

НАНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ

Уважаемые читатели!
В номере приводятся аяты из Священного Корана.
Просьба обращаться с журналом бережно.
ГАУ "Издательский дом"

3. 2021

СОДЕРЖАНИЕ

К 70-ЛЕТИЮ

АХМАТ-ХАДЖИ КАДЫРОВА

Ахмат-Хаджи КАДЫРОВ

Исповедь миротворца. /2/

Хожбауди БОРХАДЖИЕВ

Рыцарь чести и отваги. /8/

ПАМЯТЬ

Саламбек АЛИЕВ

"В глаза твои, как в окна бьюсь..." /12/

Ия НИКОЛАЕНКО

Желанье. /Стихи/ /14/

Абдула САДУЛАЕВ

Когда с народом заодно. /Стихи/ /19/

ПРОЗА

Лариса БАДАЕВА

Родная кровь. /Роман/.

/Продолжение/ /25/

Надирсолта ЭЛЬСУНКАЕВ

Иначе зачем зажигаются эти звезды...

/Из цикла "Сказки старого Абати"/. /48/

ЛИРА

Асхаб АЛИЕВ

Буря. /Стихи/. /39/

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Раиса ДИДИГОВА

Неизбывная боль. /Стихи/ /42/

КУЛИНАРНАЯ СТРАНИЦА

Кухня народов мира /69/

К 70-летию Ахмат-Хаджи Кадырова

Ахмат-Хаджи КАДЫРОВ

ИСПОВЕДЬ МИРОТВОРЦА

С конца 1999 года и до середины 2000 года гудермесская газета «Гумс» была единственным печатным изданием, которое выходило в свет, являясь рупором новой власти.

Во второй декаде января 2000 года редакцию посетил один из помощников Ахмат-Хаджи Кадырова с рукописью в руках и выразил пожелание, чтобы в ближайшем номере материал появился в печати. Прочитав его, я понял, что не имею права лишать читателей этой возможности, ибо автор рассказывал всю правду о чеченской трагедии конца века.

Несколько дней спустя статья Ахмат-Хаджи Кадырова, которой я дал название «Исповедь миротворца», была опубликована на страницах газеты «Гумс».

Хожбауди Борхаджиев

Точкой отсчета своей исповеди я хотел бы выбрать весну 1996 года, когда российские войска все еще находились в Чечне, а Зелимхан Яндарбиев исполнял обязанности президента республики Ичкерия. Ставка его находилась в Улус-Керте, куда он пригласил в гости из Дагестана некоего Багаудина, аварца по национальности, главного ваххабитского идеолога и знатока Шариатского права.

Профан в учении ислама, Яндарбиев принимает решение издать соответствующий указ о переводе всей системы государственного устройства на шариатскую основу. Это был явно пропагандистский ход, рекламная уловка, рассчитанная с дальним прицелом на то, чтобы на будущих выборах заметно расширить свой электорат за счет ревнителей ислама.

А у Багаудина на этот счет были свои соображения: он вербовал новых сторонников ваххабитского толка и искал любую возможность распространения опасного для чеченского общества и вообще для всех мусульман течения. Так в популистских целях официально было оформлено зло, из-за чего мы сегодня расплачиваемся сотнями жертв и разрушений.

Дальнейший ход событий вплоть до выборов в 1997 г. пошел по сценарию З. Яндарбиева. Сворачивание театра военных действий в Чечне, последующий вывод войск, лавры победителя – казалось бы, все это должно было «работать» на главного «строителя» исламского государства, но получилось иначе. Верно оценив свои невысокие шансы, он делает отчаянные попытки оттянуть выборы на неопределенный срок, а затем остаться перед избирателями в гордом одиночестве. Но тщетно. Кандидатами на пост президента было зарегистрировано только из рядов Сил

сопротивления 5 человек. Наверно, нет смысла перечислять их фамилии, только скажу, что все они очень недостойно повели себя в период предвыборной гонки. Было выплеснуто друг на друга столько грязи, что, казалось, о нормальных дальнейших взаимоотношениях между ними не может быть и речи. Я попробовал спасти ситуацию: добился-таки, чтоб они поумерили пыл и поклялись после избрания президента служить тому верой и правдой, независимо от того, кто станет у руля власти.

Но они вскоре изменили данному обету так же, как не смог выполнить свои торжественные заверения на инаугурации сам Аслан Масхадов. Ни один пункт из взятых на себя обязательств в ранге президента им не был выполнен за эти 3 года. А его бывшие соратники по борьбе и соперники в период выборов сделали все, чтоб «подмочить» репутацию Главы государства в глазах общественности. Одни внедряли ваххабизм, другие создавали подконтрольные только им мини-армии, третьи занимались контрагитационной пропагандой... На этой почве не могли не родиться бандитизм с терроризмом.

Все три года я искал поддержки как на уровне Президента, так и в рядах депутатского корпуса, чтоб выступить мощным оплотом в пику нарастающему движению ваххабитов, но так и не дождался ее.

Все кончилось тем, что на меня устроили настоящую охоту с целью физического уничтожения. Видно, Аллаху было угодно, чтобы я не пострадал при покушениях, а вот 5 моих близких сподвижников не смогли избежать роковой участи. Их сегодня с нами нет. Дала декъалбойла уьш! Думаете, было какое-то внимание в мой адрес после кровавой драмы?

Ничего подобного. Кроме констатации этого зверского акта по теленовостям – никакого внимания. Очень пассивно повели себя представители силовых структур, которые должны были оперативно расследовать данное преступление. Я понимаю, что все это значит. От президента Масхадова до следователя все знали, кем заказан этот теракт, и кто исполнитель. Следы вели в Урус-Мартан, в главный штаб ваххабитов. Мы даже смогли установить, кто конкретно причастен к покушению: сами принесли достоверную информацию, чтобы получить обещанную нами сумму денег. Но о поимке этих преступников и речи не могло быть: и власти, и всевозможные силовые структуры просто боялись обострить отношения с ваххабитами и делали все, чтобы не вызывать гнев их вождей.

Речь идет о рядовом случае, коих было не счесть. Вседозволенность одних и попустительское со стороны других привели к тому, что власть окончательно деградировала и распалась в своей недееспособности.

Назовите хотя бы один позитивный пример, который можно занести в актив этой власти.

Жулье плодилось на глазах, криминогенная обстановка принимала такие обороты, что в самую пору было говорить о доминирующей роли в государственном устройстве. Практически были выключены из общественной жизни наши именитые богословы – улемы. Влачили жалкое существование наука и образование. Не работало производство. Люди с психологией временщиков, случайно дорвавшиеся до власти, хорошо разбирались только в одном вопросе: как и какими средствами и способами обогатиться самим.

Государственного подхода не было ни в

одной сфере деятельности властей. Зато вольготно чувствовали себя в этом смутном времени и пространстве лица, которые под лозунгами очищения ислама, наоборот, нанесли ему непоправимый урон.

Без зазрения совести на чеченской земле заезжие бедуины делали все, что им заблагорассудится: Хаттаб мог строить свои лагеря, Абдурахман – базы, Абу-Умар мог возводить в селах и городах альтернативные мечети, и им на откуп были отданы шариатские суды. Такая вседозволенность зиждилась не только на попустительстве со стороны верховной власти, но и на откровенном потакании грязной политике этих сверхнахальных чужеземцев. Даже при такой лояльности к ним наш президент стабильно избегал поездок по дороге на Урус-Мартан. И при таком раскладе мы еще трубили на весь мир, что строим независимое государство...

А все издержки пресловутой «стройки века» списывались на козни спецслужб России. Я всегда относился к подобного рода заявлениям с недоверием. Ведь напрашивается вопрос: а почему допускается такое самим президентом и его контрразведкой? Все строили «хорошую мину при плохой игре»: ничего полезного во властной иерархии сверху донизу не делалось. Складывается впечатление, что власти предржащие просто тянут время, покуда грянет гром и хлынет ливень, который все и смоем...

Так мы пришли к августу прошлого года, когда Шамиль Басаев в роли эмира со своими верными оруженосцами вторгся на территорию Дагестана. Примечательно то, что вошли именно в те районы (Ботлихский и Цумадинский), которые всегда славились своими исламскими традициями и где вообще не жи-

вут люди иной религиозной направленности. То, что там натворили непрошеные гости с оружием в руках, – это тема отдельного разговора. Я лишь акцентирую внимание на том, что о походе на Дагестан было доподлинно известно Масхадову, знал об этом и я. На мои доводы, что это обернется для Чечни трагическим исходом и нужно во что бы то ни стало сорвать замысел Басаева, президент ответил недвусмысленно: «Шамиль дал мне слово, что он из Дагестана возвращаться в Чечню не собирается, каким бы плачевным для него ни окажется исход операции, дескать, можешь даже дать команду своим силовым структурам заблокировать обратную дорогу...» Басаев, конечно, блефовал, он прекрасно знал, что у президента нет такой силы, чтобы противостоять ему. У Масхадова оставался один шанс, чтобы дистанцироваться от этой грязной затеи: позвонить Председателю Госсовета Дагестана М. Магомедову и заявить о своем несогласии с действиями Басаева, осудить акт терроризма и предложить посильную помощь в разрешении конфликта.

Но он этого не сделал, и все из-за того, что боялся Шамиля... И получилось, что все действия главы республики были направлены на то, чтобы находиться в дальнейшем в русле политики басаевых и удуговых на Северном Кавказе. Иначе как объяснить тот факт, что Масхадов и его команда созывали людей на митинг в Грозный, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию, а правили бал там другие: его как бы оппонент Яндарбиев и ему подобные... Люди так и не услышали голос разума. Зато динамики разносили по площади: «В Дагестане наши парни гибнут в газавате, им нужно помочь. Все, кто это со-

бирается игнорировать, – курицы-несушки!»

Двух мнений быть не может: митинг был заказной, и созывался он по требованию Шамиля Басаева из Дагестана в агитационных и пропагандистских целях.

Я уверен и располагаю соответствующей информацией, что сценарий похода на сопредельную территорию был задуман очень влиятельными силами в Москве, а Басаев и его команда – подневольные исполнители. Значит, ни о каком газавате речь идти не может. Я тогда об этом в своем телевыступлении клятвенно заявил. Судите сами: все задолго до этих событий знали о готовящемся рейде, но почему-то «наверху» границу перекрыть «забыли». Потом трубили об операции «Кольцо», дескать, всех окружили, а Басаев оттуда со своими верными соратниками уходит. Вернее, выпускают. Значит, речь нужно было вести об операции «Подкова». Эту свою позицию я озвучил тогда и на встрече с Председателем правительства РФ В. Путиным. Ему я так и заявил, что следы бандитской вылазки Шамиля Басаева ведут в Москву. Свидетелями нашего диалога были еще 6 муфтиев некоторых республик России. Даже такое резкое заявление не возымело действия, наоборот, с подачи Яндарбиева на меня навесили ярлык, что я продался Путину. Стал склоняться к этому мнению и наш президент... Я видел и предчувствовал, что эти «игры» больно отразятся на нашем многострадальном народе, и сделал все от себя зависящее, чтоб война в очередной раз не пришла в наши дома.

Не хуже меня о возможной угрозе знал и сам Масхадов, но вместо того, чтобы уберечь свой народ от новой напасти, он, наоборот, его подставил. Подпись А. Масхадова стоит на известном документе о мирном урегулировании

взаимоотношений с Россией, где отчетливо написано, что все спорные вопросы отныне будут решаться мирным путем. Что отсюда следует? Поскольку Дагестан — субъект Российской Федерации, все военные действия, исходящие с территории Чечни (как бы суверенного государства), квалифицируются как военная агрессия. Чечня нарушила тот договор первой. Масхадов мог официально отвести от себя подоплеку межгосударственного конфликта, но он предпочел «брататься» с Шамилем. Даже делал попытки вербовать на свою сторону и меня на одной из наших встреч, куда я попал по его настоятельной просьбе. Было это во время событий в Ботлихе. С нами в кабинете был и вице-премьер Л.-А. Алсултанов. Масхадов уговаривал меня, чтобы я заявил в средствах массовой информации о своей лояльности действиям Басаева.

– Я знаю, – говорил он, – Шамиль нечистый человек, что Удугов Мовлади со своим братом Исой – люди без чести и совести, но сегодня нам нужно выглядеть перед всем миром монолитной силой, чтобы Россия боялась нас...

– Мне с вами не по пути, – ответил я, – вы совершили агрессию на Дагестан и, соответственно, накликали беду на собственный народ.

После этой встречи наши пути-дороги окончательно разошлись. Масхадов и его окружение начали меня травить по своим СМИ, заявляя, что я ставленник российских спецслужб, что, дескать, в свое время я был завербован КГБ. Пусть эти измышления останутся на совести лиц, не гнушающихся наветами и оговорами.

Эти клеветники почему-то не распускали грязные слухи в марте 1995 года. Тогда я был

«своим». Сегодня совершенно иная ситуация. Я не могу составить компанию лицам, начавшим военную агрессию в Дагестане. Говорить в данном случае о газавате – не что иное, как святотатство. Эти люди делают все, чтоб деградировать исламские ценности, чтобы на мусульман все смотрели как на варваров и дикарей. Величие и чистоту ислама нужно доводить до людей иными средствами, в основе которых должна лежать высокая нравственность, чистая мораль, безупречный этикет, но, во всяком случае, не те дикие порядки, что царили в Урус-Мартане. Я думаю, исламский порядок по-удуговски нанес мусульманской религии такой вред, который не идет ни в какое сравнение с тем ущербом, что понесли верующие за 70 лет Советской власти.

В заключение я хотел бы вернуться к той нашей последней встрече в кабинете у Аслана Масхадова. В кульминационный момент наших прений вдруг зазвонил телефон. Трубку поднял помощник президента Апти Баталов. На другом конце провода был руководитель кремлевской Администрации А. Волошин.

– Он хочет поговорить с тобой, – сообщил Апти.

– Я хочу говорить только с Ельциным и при личной встрече.

Трубку взял Алсултанов. После паузы он сообщил, что это возможно при одном условии: если президент Чечни через СМИ выразит свое негативное отношение к терроризму. Не нужно было при этом называть имена Шамиля с Хаттабом, просто было необходимо лишь одно предложение в газетах или на ТВ: «Я осуждаю терроризм».

Жесткую позицию в разговоре занял и Руслан Алихаджиев, Председатель Парламента

ЧРИ. «Эта война народу не нужна, – сказал он, обращаясь к Масхадову, – нужно сделать все, чтоб обезопасить людей от новых потрясений! Это не та война, что была в 95-96 гг.»

Аслан расправил плечи, придал лицу решительную мину и изрек с пафосом: «Пистолет Макарова есть в любом доме, а чеченец готов умереть в бою, лишь бы не отдать оружие!»

– Это глубокое заблуждение, – не согласился я, – чеченец сегодня не так глуп, чтобы просто так расставаться с жизнью. Он, скорее всего, этот пистолет в случае опасности бросит в соседний огород или смажет маслом и зароет в землю...

Словом, нигде эта фраза так и не прозвучала. Одна фраза, которая решала судьбу народа. Несколько слов, от которых зависела жизнь людей: быть или не быть новым ужасам войны. Аслан Масхадов выбрал наихудший вариант: быть! Значит, ему нужна была эта бойня. Он к ней готовился заблаговременно, еще с августа месяца, когда вывез на КамАЗах все свое домашнее имущество подальше от будущих боевых действий... Но при этом «за-

был» посоветовать простым жителям республики сделать то же самое. Отправил семью подальше от грохота орудий, а сам издал указ, запрещающий высоким чиновникам следовать его же примеру.

Такие вот странные метаморфозы. Не это ли форменное издевательство над народом?

У Аслана есть возможность одуматься и обратиться к народу с покаянием. Чеченцы по своей ментальности снисходительны, их добрым словом можно купить, а значит, могут и простить грехи. Но в любом случае пора кончать экспериментировать над народом. Нужно перевести жизнь людей на мирные рельсы.

Какие бы наветы ни плели недоброжелатели вокруг моего имени, я всегда был и буду защитником обездоленных и униженных. И нет силы, кроме воли Всевышнего, которая может поколебать мою веру, мои убеждения, мою жизненную позицию.

Дай Аллах нам всем благоразумие, чтоб найти верную дорогу к справедливости. И пусть Аллах покарает нечестивцев и образумит заблудших! Аминь!

январь 2000 года

К 70-летию Ахмат-Хаджи Кадырова

Хожбауди БОРХАДЖИЕВ
заслуженный работник культуры ЧР,
заслуженный журналист ЧР

РЫЦАРЬ ЧЕСТИ И ОТВАГИ

В 1985 году, когда в стране началась эра горбачевских перемен, в республику впервые приехала солидная делегация из Йемена. Гости побывали в Гудермесской мечети, после чего им был дан званый обед у нас дома. Посланников Ближнего Востока сопровождали официальные лица из Москвы (инструктор ЦК КПСС), представители республиканских и районных властей. В числе местных религиозных авторитетов был и Ахмат Кадыров, который в ту пору учился в медресе г. Бухара. На память об этой встрече я сохранил снимок, на котором рядом с моим отцом (в миру его все звали Ахмадом) сидит его тезка из Центороя.

Следующий памятный визит Ахмата Кадырова состоялся в середине июня 1994 года, в трагические для меня дни, когда не стало моего отца. В тот год, собрав все свои силы, отец совершил хадж в святую Мекку, что отняло у него здоровье. После возвращения на 13-й день он ушел в мир иной. Казалось, вся республика по нему плакала. Таких массовых похорон гудермесская земля никогда не знала...

Через несколько дней у наших ворот появился знакомый человек. Я вышел навстречу. Это был Ахмат-Хаджи (к тому времени он уже имел этот сан). Он сразу зачитал до

(молитву). Ахмат-Хаджи знал цену моему ближайшему предку, и чувствовалось, что каждое слово ему давалось с трудом. Особенно это было видно, когда он выражал соболезнование моей матери, которая приходится Кадыровым родственницей.

Когда мы оказались на улице, он обнял меня и трогательно произнес: «Быть сыном такого отца – большая ответственность. Не забывай об этом никогда!»

У Ахмат-Хаджи была поразительная память. Спустя семь лет – в марте 2001 года – он, уже в ранге Главы Временной Администрации ЧР, пригласил в свою резиденцию в Гудермес чемпионов и призеров Олимпийских игр братьев Адама и Бувайсара Сайтиевых, Хасана Бисултанова и Эльмади Жабраилова, которым были вручены дорогие подарки, в том числе и автомобили. Уже тогда было видно, что Глава республики собирается уделить особое внимание развитию образования, культуры и спорта. Рядом с ним, помнится, находился сын Рамзан, который не скрывал своей радости от встречи с олимпийскими чемпионами. На торжественную встречу был приглашен и я в качестве журналиста. Я старался держаться в тени: был уверен, что Ахмат-Хаджи меня не узнает. Однако после того, как закончилась официальная часть, он сам подошел ко мне и с укоризной сказал:

– Почему не подходишь, не здороваешься? Ты же сын моего тезки, верно?

– Да...

– Не стесняйся, обращай ко мне в любое время. В память о твоём отце я тебе помогу в решении проблем.

После этого мы встретились в Москве, в гостинице «Президент-отель», где Ахмат-Хаджи имел свой рабочий кабинет. Он пригласил к себе большую делегацию чеченских журналистов и работников Правительства ЧР, находящихся в столице на семинаре. Мне было приятно, что он мне сразу сделал знак внимания, дескать, узнал, и мы обнялись, поговорили и сфотографировались. А на память подарил мне часы с надписью «Глава Администрации Чеченской Республики». Вечером того же дня мы вместе с земляками были на концерте Мовсара Минцаева.

Ставка на Кадырова изначально была мотивирована тем, что он был решительно настроен бороться с бандитами, ибо они не хотели изменить своей антинародной сущности. А самое главное, при нарастающем движении религиозного экстремизма республике нужен был человек, который посредством своих знаний и духовного образования смог бы развенчать миф о «чистильщиках» ислама.

Плюс ко всему, этот человек должен был обладать такими качествами, как мужество, самообладание, решимость, храбрость.

Теперь мы знаем, что лучшей кандидатуры на пост Главы республики у нас попросту не было.

Ахмат-Хаджи знал, во что выльется укрепление рядов ваххабитов, также знал и то, почему на эти цели были отпущены огромные средства господином БАБ (Борис Абрамович

Березовский). А ведь получателем этих громадных сумм был не кто иной, как отъявленный террорист Басаев и в не меньшей степени – Радуев.

Борису Абрамовичу Чечня нужна была не только, как «первая ласточка» по развалу России, но и как очаг противостояния в пору приватизации «золотоносных» объектов. Уже будучи муфтием Ичкерии, Ахмат-Хаджи Кадыров понял, что президент Аслан Масхадов палец о палец не ударит, чтобы пошатнуть позиции залетных «бедуинов», внедряющих в массы чуждые идеи ваххабизма. Тот их попросту боялся. Предпочитал не ездить в сторону Урус-Мартана, шел на уступки Басаеву, Удугову и другим ваххабитским лидерам.

Кадыров не раз призывал ичкерийского президента объявить персонами нон грата ближневосточных эмиссаров. Но у «падишаха» суверенного государства Ичкерия мужества на это не хватило.

Даже когда Ахмат-Хаджи Кадыров в августе 1999 года принародно перед ичкерийскими парламентариями осудил действия Басаева, Хаттаба и их сподвижников за вторжение в Дагестан, Масхадов решил отмолчаться.

Я хорошо помню свой разговор с Русланом Алихаджиевым, спикером ичкерийского Парламента, который состоялся в конце июля 1999 года. С Русланом у меня были приятельские отношения. Он меня защитил, когда я подвергался гонениям со стороны СНБ (службы национальной безопасности). К лету того года Алихаджиев окончательно разуверился в благополучной перспективе «самостийной» Ичкерии и считал политику Масхадова и стиль его руководства заведомо проигрышными.

В тот день 29 июля Руслан был явно не в духе: было обеденное время, но на работе он с утра не показывался, хотя жил в ближайшем квартале. Все время во двор заходили «ходоки» от парламента, которых он выслушивал с откровенно скучной миной на лице.

Наконец, оставшись наедине с ним, я решился на диалог.

– Ты что-то не в духе сегодня...

– Хорошего мало.

– А что случилось?

– Басаев задумал поход на Дагестан. Получил большие деньги от Березовского. Он уже вынужден активно действовать...

– Но вы же власть. Есть президент. Можно сделать упреждающие ходы.

– Делали. Несколько дней назад были у Масхадова. Поговорили в жесткой форме, чтобы он категорично заявил, что против военного похода на Дагестан.

– Ну и какая реакция?

– Обещал на следующий день созвать пресс-конференцию для заявления, осуждающего действия Басаева. Да еще поблагодарил, что мы пришли.

– Была пресс-конференция?

– Нет. Потом у него был Басаев и сломал все наши задумки, пообещав Аслану теплое место в «северокавказских эмиратах», а конкретно – должность эмира Чечни.

– И как теперь быть?

– Боюсь, военные действия в Дагестане неизбежны, и ясно, что театр сражений перекинется обратно в Чечню, Масхадов допускает такую перспективу, но предпочитает не думать об этом. А тебя я прошу, съезди в Дагестан и сообщи своим друзьям, товарищам, знакомым – кому угодно, что их ожидают тра-

гические события в ближайшие дни...

Руслан Алихаджиев (пропал без вести во вторую военную кампанию) даже назвал дату – 6-7 августа.

На следующий день я поехал в Хасавюрт, а оттуда в Махачкалу и успел многих предупредить. А некоторые (особенно – большие чиновники) уже знали, что грядут военные действия...

Руслан очень высоко отзывался об Ахмате-Хаджи, называл его настоящим кьонахом.

– Я поражаюсь его энергии, храбрости, целеустремленности, – говорил он. Ведь понимает, что ваххабиты своих противников просто «убирают». Но все равно ищет борьбу, находит ее, снова и снова бросает вызов...

Ахмат-Хаджи понимал, что Дагестан – это прелюдия к новому витку военных действий в Чечне.

Знаменитое выступление Ахмат-Хаджи Кадырова перед ичкерийскими депутатами было крайне необходимо. Во-первых, жесткие заявления с официальной трибуны имели широкий резонанс. Во-вторых, позиция муфтия республики тестировала членов парламента на предмет их гражданского мужества. Следует отметить то, что за А. Кадыровым не было мощной силовой поддержки, его оружием было слово, и к помощи он взывал Всевышнего, как истинный мусульманин.

Ахмат-Хаджи подчеркивал, что дагестанцы всегда являлись примером истинного служения Аллаху. Вот на эту землю и ступили вооруженные до зубов молодые люди, одурманенные ваххабитской идеологией. Не будем сегодня гадать, каково было процентное соотношение самих дагестанцев в подразделениях Басаева и Хаттаба. Но мы знаем, что ваххабитский «яд» в Чечню был завезен из Дагестана неким

Багаудином Кебедовым и его сподвижниками. А если учитывать то, что Хаттаб – международный террорист, Басаев имеет дагестанские корни, то о «чеченском следе» можно было говорить с большой натяжкой.

На месте Кадырова любой человек отступил бы перед мощной вероломной силой, которая убивала и калечила людей лишь за то, что ей мешали самоутвердиться. Был момент, когда в одном из многочисленных покушений на него погибло сразу несколько человек, состоящих в ближайшем родстве с муфтием. Потери близких людей – это незаживающая рана для любого человека, способная его свалить, сломить. Но вновь и вновь Ахмат-Хаджи, уповая на милость Аллаха, не сгибаясь, шел вперед, веря, что святая правда на его стороне. Он знал, что ваххабиты считают его своим врагом №1. А ведь эти самые «люди крови» на Дагестан пошли не с Кораном в руках, дабы учить местных жителей уму-разуму...

...Лихое время на стыке тысячелетий стало переломным в истории российского государства.

Чечне, наконец, повезло с лидером – отчаянным, мужественным и по-государственному мыслящим. За короткие полтора года Ахмат-Хаджи сумел подготовить свою республику и ее народ к принятию судьбоносных решений на референдуме. Эта дата – 23 марта 2003 года – стала исторической вехой в судьбе чеченского народа, когда он ясно и четко определился с выбором – быть в составе России. Через волеизъявление народа был принят и Основной Закон – Конституция ЧР.

Но через год Ахмат-Хаджи не стало. Подлая рука убийц лишила народ его истинного вождя. Но велика роль А.-Х. Кадырова в том, что он успел заложить эволюционный путь в цивилизованное будущее. Путь, который никогда не будет повернут вспять, Дала мукълахь!

И самое главное. Ахмат-Хаджи оставил после себя достойного сына – Рамзана, который верно служит делу отца и ведет республику к благоденствию в ранге ее Главы. Люди созидают, творят и укрепляют авторитет республики. Именно таким хотел видеть родное Отечество его славный сын Ахмат-Хаджи Кадыров.

Память

«В ГЛАЗА ТВОИ, КАК В ОКНА БЬЮСЬ...»

Желтенькая, не только от завода-изготовителя, но и от времени, папка для файлов и документов лежит передо мной на столе. Содержимое – несколько стихотворений, фотографии, вернее, их ксерокопии, детские работы в виде рисунков и картинок, приклеенных на картонку. На некоторых из этих картинок с обратной стороны запись: «ДС-54. Подготовительная группа». «ДС» – это скорее, всего «детский садик».

Есть также три блокнотных листка, исписанных шариковой ручкой. Вот текст:

«Лула! Дорогая! Очень хочу, чтобы ты посмотрела, можно ли напечатать в рубрике «Из литературного архива» «Они остались с нами» А. Садулаева и мой «Реквием» (стр.46-53). Есть и фото разного качества. Также посылаю рисунки детей и ХБ к моему словарю. ХБ давно нарисовал, мы хотели книгу. Спроси его – не возражает?»

Кроме того, посылаю «Лам» с нашей «Дорогой на перевал». Тоже из литархива. Могу дать несколько строк о том, как писалась эта вещь.

И еще решилась послать «Аби», в общем, почти всю нашу совместную прозу.

Материала на целый год. Если не пойдет, как-нибудь заберу. Только сохрани, ладно? Очень не хочется умирать живой. А с твоим журналом не помрешь.

Целую тебя. Привет всем. Ия.

P.S. Мои просьбы на сто лет вперед».

Учитывая, что данная папка досталась «Издательскому дому» в «наследство» от журнала «Нана», не трудно догадаться, что записка адресована Луле Жумулаевой – основателю и долгие годы главному редактору «Наны». Автор записки – Ия Николаенко, переводчица и поэтесса, преданная спутница и в жизни, и в творчестве чеченского поэта Абдулы Садулаева. Как видно, в самой записке и всплывают эти три имени – Лулы Жумалаевой, Абдулы Садулаева и самой Ии Николаенко. Есть еще некий ХБ – речь, по всей видимости, идет о художнике и артисте Хож-Бауди Исраилове.

Абдулы Садулаева не стало в 2003 году, Ия Николаенко ушла в мир иной в 2010-ом, а в 2019 году не стало Лулы Жумулаевой. Такой вот печально замкнутый круг, а желтенькая папка со стихами и фотографиями Садулаева и Николаенко как будто взывают строкой Мандельштама: «Сохраните нашу речь! Оживите о нас память!»

Повесть «Аби», о которой Николаенко упоминает в своей записке, в папке отсутствует, но она была опубликована в 2003 году в журнале «Вайнах» (№4). Этот текст Абдулы Садулаева представлен в соавторстве с Ией Николаенко, хотя история, изложенная в повести – история маленького Аби – воспоминания самого Садулаева о первых годах депортации чеченского народа.

В папке также отсутствуют некоторые другие вещи, о которых упоминает в своей записке Николаенко. Нет ни «Реквиема» самой И. Николаенко, ни «Они остались с нами» А. Садулаева, нет и «Дороги на перевал». Есть только одно стихотворение самой И. Николаенко, записанное на листке общей тетради шариковой ручкой и посвященное Луле Жумалаевой, и стихотворения А. Садулаева, набранные на печатной машинке.

Мы не смеем брать на себя задачу судить о творчестве А. Садулаева и И. Николаенко, но с полной уверенностью можем сказать, что оба они были поэтами – не рифмоплетами, не куплетистами, не стряпателями – ни кем-либо из этого ряда, а именно поэтами, у которых поэзия, употребляя формулу А. Вознесенского, не писалась, а случалась «как чувства или же закат». Поэзия Садулаева и Николаенко автобиографична. Зачастую они посвящают стихи друг другу, устраивают поэтические диалоги или монологи, в которых сквозь стихотворные строки прорывается неподдельная любовь и уважение.

В сегодняшнем номере журнала «Нана» мы предпримем попытку ретроспективы, попытку «сохранить речь» и оживить память о двух наших поэтах – Абдуле Садулаеве и Ие Николаенко. Также прилагаем фотографии из личного архива И. Николаенко.

Саламбек Алиев

Память

Ия НИКОЛАЕНКО

(1926 –2010)

Известная в Чеченской Республике поэтесса и переводчица Ия Николаенко родилась в ноябре 1926 года в г. Астрахань. По окончании факультета русского языка и литературы в Воронежском государственном педагогическом институте, приехала по направлению в г. Грозный. Позднее перевезла сюда и свою маму Александру, выпускницу Орджоникидзевского Горского педагогического института, активно занимавшуюся журналистикой, литературной деятельностью и историей. Именно мама сыграла решающую роль в формировании взглядов дочери, привила ей любовь к поэзии, переводам, литературоведению и журналистике: Ия Николаенко начала писать стихи и публиковаться в газетах еще в школьные (1941–1945) годы.

Долгое время Ия Николаенко работала в общеобразовательной системе: в средней школе, в подготовке рабочих кадров в профтехучилищах, а также вела клуб любителей литературы в Доме культуры нефтегазодобывающего управления «Старогрознефть» им. Пролетбата. Постепенно переключившись на журналистскую деятельность, много лет сотрудничала в республиканских газетах «Грозненский рабочий» и «Комсомольское племя». В 1975 году была принята в Союз журналистов СССР. Пережила в Грозном обе войны и, несмотря на преклонный возраст – восемьдесят три года, – продолжала работать методистом-организатором в детском саду.

Стихи Ии Николаенко регулярно печатались на страницах газет и журналов не только Чечни, но и в журналах «Дон» (Ростов-на-Дону), «Нефтяник» (Москва) и др. Публиковались они и в коллективных сборниках литераторов Чечено-Ингушетии – «Первая радуга» (1977), «Негаснущие звезды» (1989). В 1985 году вышла в свет книга ее стихов «Кольцо из радуги». Николаенко была инициатором издания в 1977 году сборника статей, исследований и воспоминаний о великом чеченском историке, писателе, драматурге, публицисте и просветителе Халиде Ошаеве, под названием «Пламенный борец». Большой вклад внесла в развитие чеченской детской и переводческой литературы (автор поэтического чеченского алфавита «Я чеченский язык учу»), переводила на русский язык поэзию Яраги Цуева, Шарипа Цуруева и др. Член Союза писателей России и Чечни.

ЖЕЛАНЬЕ

Что б я хотела слышать в смертный час?
Шум речки, говорливой и проворной,
И речь гортанную, и водопада бой,
И наш родник, бегущий к тропке горной.

Еще хочу я в сердца глубине
Услышать тихий плеск волны родной.

И песню Волги, что живет во мне
Неомраченной, чистой, молодой.

О том, как лебедь белая плыла
Так тихо, что ворохнуться не смела,
О том, что вот уже и жизнь прошла,
А я ее лица не разглядела.

Мне хочется услышать все сильнее,
Как стая белых птиц кричит при взлете,
И посвист сильных крыльев лебедей,
Раскинутых в стремительном полете.

Мне хочется услышать все, что мать
Не услышала и не долюбила.
И ей за гранью жизни передать,
Когда бы это все возможно было.

Последний час – границы бытия,
Я на земле оставлю все волненья.
Чтоб в смертный час хотела слышать я?
Слова прощания и слова прощения.

КОГДА ТЕБЕ ТАК ПЛОХО...

*Луле Жумалаевой, с любовью и нежностью
«Пой! Смерти нет, Марин...»*

Когда тебе так плохо, хоть повеситься,
Не пей лекарств, не думай, что больна.
Ведь ты всю жизнь свою была кудесница,
По всем счетам платившая сполна.

Когда тебе так плохо, хоть повеситься,
Не пишется и жизнь – такая бяка,
Иди к друзьям.
Не жди, что перебесятся.
Не вой, как по покойнику собака.

Когда тебе так плохо, хоть повеситься,
Не покажи врагам свою усталость.
Врагам твоим давно уже мерещится,
Что победить тебя – такая малость.

Пой! Смерти нет! Иди вперед отважно.
Коль влезла в драку, так с врагом дерись.
Все остальное – жалко и неважно.
Лишь бой прекрасен! И прекрасна жизнь!

ВЕДЬ Я ТАКАЯ ЖЕ...

Привыкли мы: с утра работа,
Не оглянись, не оступись,
Взбирайся до седьмого пота
Вверх лестницей, ведущей вниз.

Бреди по огненному кругу,
В хомут впрягаясь на заре,
Тебе не зря была подругой
Слепая лошадь в чигире.

Пришла война: все разметало,
Работы – нет, зарплаты – нет,
А ты все ищешь, как бывало,
Вчерашний день, пропавший след.

Мне жаль тебя. Но ты не знаешь –
Не в стороне я, в бороне,
Ведь я такая же, такая ж
Слепая баба в чигире.

ПИШИ, ПИШИ, ХОТЯ Б МИНИАТЮРЫ

Абдуле Садулаеву

– Ты пленник и таланта, и культуры,
Тебе бы кисть или перо по росту.
Пиши, пиши, хотя б миниатюры,
Их и печатать, и читать так просто.

– Да, ты права – быть пленником литературы
И не писать никто из нас не может.
Макси-поэмы иль миниатюры,
Наверное, нас скоро в гроб положат.

Но пригоршню миниатюр швырнуть
Совсем не просто – мир не примет их...
Когда мелка их суть,
Что толку в них.

Ия Николаенко на Волге. Астрахань, 1960 г.

В них вечная любовь, увы, смешной роман,
В них слов туман – обман.
И ты – обманщик,
Не гений, не поэт – простой шарманщик.
Мне?.. Пригоршню миниатюр швырнуть?
Кому, зачем, когда мелка их суть.
Не брошу я во имя всей культуры
Миниатюры в пасть макулатуры.

И были б вам кисть и перо по росту,
То знали б вы, как мне писать не просто.
Не гений я, не пленник, не обманщик,
Но я поэт, поэт, а не шарманщик.

ГОРЬКИЙ МЕД

Уж гаснет дома моего очаг,
И одиночество в окно стучится.
Ни счастья мне не удержать никак в руках,
Ни журавля, ни робкую синицу.

Он гаснет – дома моего очаг.

Вчера ушла из жизни мать моя,
Сегодня друга собрала в дорогу...
Пью горький мед из чаши бытия,
Но и она пустеет понемногу.

Он горек – мед из чаши бытия.

Но пью его и расплескать боюсь,
Хотя бы каплю из заветной чаши.
Пишу стихи, страдаю и смеюсь.
Как прежде, мне журавль синицы краше.

Я пью тот мед и расплескать боюсь.

Порой одна сижу у очага,
Смотрю в огонь, то робкий, то высокий.
Молю, чтоб не погасли никогда
Огня живого трепетные строки.

Пусть я одна сижу у очага.

А может быть, у жизни на краю,
Забыв совсем про робкую синицу,
И так трубить, чтоб снова журавлю
Пришлось на зов мой к дому возвратиться?

Пусть я стою у жизни на краю.
Раздуть огонь... зачем в доме очаг?
Чтоб не был дом ни темным, ни печальным...
Чтоб друг спешил и чтоб страшился враг,
Гори, огонь, большим костром сигнальным.

Будь вечен, дома моего очаг!

ТВОИХ СТИХОВ СКУПЫЕ СТРОКИ

Давно прошли свиданий строки,
Но воскрешают вновь и вновь
Твоих стихов скупые строки
Давно умершую любовь.

Трепещет в них воспоминанье
 Форелью, брошенной на лед.
 Давно забытое страданье
 Строкой по сердцу полоснет.
 И вновь кружит над головою –
 Не возражай, не прекословь –
 Ночную летнею грозюю –
 Вся в тучах огненных – любовь.

ТРЕВОЖНЫЕ СНЫ

Как тот февраль,
 что укрывал сады,
 Пушистой, снежной
 белой пеленою,
 Хочу укрыть
 я нынче от беды
 Наш дом, что вместе
 создан был с тобою.

Где стук машинки
 Рано по утрам
 Соседей наших
 Столько лет уж будит,
 Где так тепло порой бывает нам,
 Как, дай нам Бог,
 До самой смерти будет.

Пускай в углу
 Безденежье хрипит,
 Зачем поэтам
 Надо много денег?
 Строкой и сердцем
 Будет жить пиит,
 Не разменяв их на рубли и фенинг.

Болезнь не одолее
 Нас с тобой,
 Пока она
 Для строчки будет темой.
 И молоко,
 Бегущее в разбой,
 Исходит, если не судьбой,
 То пеной.

Не это нынче
 Угнетает нас,
 Грозит Свободе нашей
 Лихолетье.
 Не дай нам Бог
 Вновь выселенья час
 На рубеже
 Двадцатого столетья.

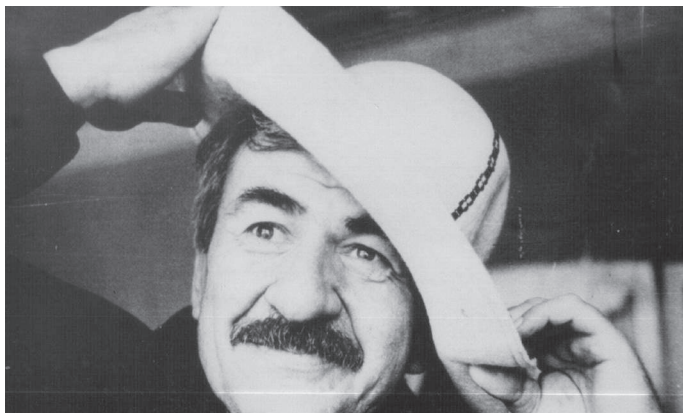
Не дай нам Бог
 Опять судьбы такой,
 Не дай нам Бог,
 Ведь мы Твои творенья.
 Пусть будут
 И болезнь и непокой,
 Но только пусть
 Не будет повторенья.

Как тот февраль,
 Что укрывал сады
 Пушистой, снежной,
 Белой пеленою,
 Я дом наш общий
 От такой беды
 Всей жизнью сердца
 И Любви укрою.

Память

Абдула САДУЛАЕВ
(1938 – 2003)

Поэт и журналист Абдула Садулаев родился в 1938 г. в Урус-Мартане. Ему не было и шести лет, когда вместе с матерью (отец был на фронте) его депортировали в 1944 г. в Казахстан. Там он окончил школу, училище механизации, отслужил в Советской Армии стрелком-радистом на бомбардировщике дальней авиации. После службы вернулся на родину, поступил в Грозненский нефтяной институт. По

окончании вуза в 1966 г., с геологическими партиями побывал во многих уголках Советского Союза, исходил всю Чечню и Ингушетию.

Писать стихи Абдула Садулаев начал еще в школе, под влиянием родных чеченских песен, сказок и легенд. Впервые они были опубликованы на страницах республиканских газет «Комсомольское племя» и «Грозненский рабочий» в начале шестидесятых годов – и сразу показали, что в чеченскую литературу пришел поэт самобытный, имеющий свой почерк, голос и стиль. Главными темами его творчества были романтика и высокая любовь к людям, Родине, природе, женщине, земле. Первые поэтические подборки и поэмы Садулаева вошли в коллективные сборники молодых литераторов Чечено-Ингушетии: «Звезды в ладонях» (1965 г.), «Зовут нас горизонты» (1966 г.); публиковались в коллективных сборниках «Продолжение пути», «Лирика-90», «Строки, опаленные войной» (1999 г.) и других. Со временем все больше стал увлекаться журналистикой, и перешел на работу в качестве литературного сотрудника в редакцию республиканской газеты «Грозненский рабочий». С 1990 г., продолжая внештатное сотрудничество, вернулся к литературному творчеству. При жизни поэта из печати вышло всего два сборника его стихов и поэм: «Накануне» (1967) и «Поезда надежд» (1970).

Две чеченские войны, которые Абдула Садулаев перенес в Грозном, сказались на его здоровье – он умер в 2003 году и был похоронен в родном Урус-Мартане.

КОГДА С НАРОДОМ ЗАОДНО

Магомету Мамакаеву, поэту и учителю

Когда ко мне пришло прозрение,
Я понял, будто знал заранее,
Что жизнь и смерть – одно мгновение,
Что жизнь и смерть – всегда страдание.

Я знаю, что мне все дано,
Чтоб смог я спеть свой гимн чеченцам,
Когда с народом заодно,
Тогда не станешь отщепенцем.

Меня пьянит вино любви
К Чечне, к горам, к земле, к народу,
Твои стихи в моей крови
Звучат, как колокол свободы.

И выпью я свое вино,
И в жизнь войдет стихотворенье,
Когда с народом заодно,
Не страшно смертное мгновенье.

НЕ ПРИВЫКАЙ

Не привыкай...
А то – привыкнется,
Не надо нам
Любовий более,
А то аукнешь –
И откликнется
Разлукой новой,
Новой болью.
Но чайнно
Или нечаянно

Гляжу в тебя,
Хоть и боюсь,
И птицей пойманной
Отчаянно
В глаза твои,
Как в окна,
Бьюсь.

И УТРО СКОМКАНО

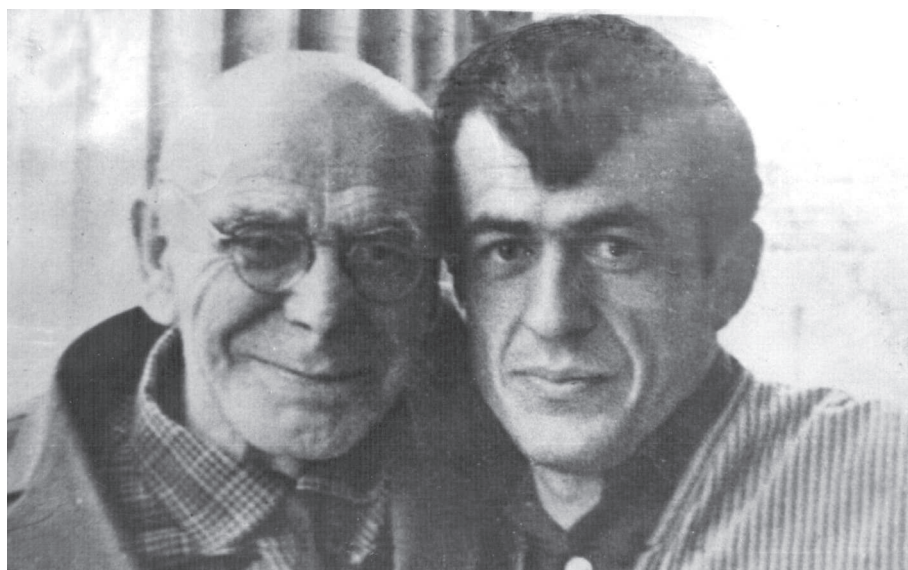
И утро скомкано, и скомканы постели,
И кто в последний день
Хмельную чашу даст?
И горек будет час,
Когда нам смерть постелит,
Заявит нам:
– Я дожидалась вас.

Но мы заявим ей,
До смерти не охочи:
– Еще не наступил
для нас последний час.
Пускай лишь прокричит
С рассветом рыжий кочет
И с новым днем
Поздравит гордо нас.

ЗАВЕТ

После смерти отца
Часто видел я сон.
И со мною во сне
Разговаривал он:
– Не могу умереть,
Ведь жив еще ты.
Все тебе я отдал:
Честь, любовь и мечты.

Халид Ошаев и Абдула Садулаев. 1970 г.

Когда умер мой друг,
Часто видел я сон,
Как со мною во сне
Разговаривал он:
– Я сейчас не с тобой...
Пусть ушел я, и все ж –
То, что вместе мечталось,
Один ты несешь.

Все проходит, уходит,
Как песок из горсти.
Но, покуда я жив,
Мне завет их нести,
Мне нести их заботы,
Их совесть, их честь.
Пока каплею крови,
В сердце жизнь еще есть.

ЗВОНОК В ПУСТОЙ КВАРТИРЕ

Звонит звонок
с мольбой во звоне,
В пустой квартире –
Одинок.
Тот,
Кто висит на телефоне,
Жить
В одиночестве не смог.

Звонит звонок
В пустой квартире,
То низок звук,
А то высок,
И трели,
Будто пули в тире –
Вещам и стенам
В лоб,
В висок.

Звонок, как гром
 На тихом фоне,
 А тишина глуха,
 Как шлак.
 Не знает тот,
 На телефоне:
 К другому женщина
 Ушла.

НА ОХОТЕ

Мы не живем, – мы на охоте,
 Где все любимое уходит,
 И этот ранний предрассветный час –
 Сейчас он ранит и уйдет от нас.

СЛОЖНАЯ ПРОСТОТА

I

Ты права, любимая, права,
 Снеги, снеги засыпают сердце,
 Хоть шумит еще в садах листва,
 Никуда от старости не деться.

Ты права, любимая, права,
 Без любви, без солнца умирают,
 Сохнут, как по осени трава.
 И собой зеленый мир марают.

Ты права, любимая, прости,
 Жизнь – лишь сила,
 что в пути потеряна.

Из таких кирпичиков простых
 И растут высокие материи.

II

И снова улетело лето,
 Далекое всегда видней,
 Ушло и это лето в Лету
 Из грозных и прекрасных дней.

И осень – старая вдова
 С заплаканными глазами,
 И желтых листьев кутерьма
 Опять под нашими ногами.

И ты вспомнишь ли едва
 Свой первый поцелуй – экзамен,
 Шуршат забытые слова,
 И журавли кричат над нами.

И снова улетело лето,
 Далекое всегда видней.
 Ушло и это лето в Лету
 Из грозных и прекрасных дней.

III

Что мы в самом деле,
 Словно конница...
 Мы – пехота,
 Нам неведом страх.
 Надоело
 Вечно беспокоиться –
 Жизнь проходит,
 Словно на рысях.

Жизнь проходит,
 А давно ли было?
 В детстве – шпаги,
 Д'Артаньяны бились.

И. Н.

Жизнь проходит,
Но не премий Нобеля,
Ни других наград
Мы не добились.

Жизнь проходит,
А ведь это было.
Мы – пехота –
Нам неведом страх.
Мы любили,
Да и нас любили.
Жизнь проходит,
Словно на рысях.

РАЗГОВОР

*Памяти незабвенной
Александры Васильевны Николаенко*

Пока свеча горит,
Пока горит свеча,
Мы будем говорить,
Доверчиво молча.

Мы будем говорить
О тех, которых нет,
Которые ушли,
Покинув белый свет.

Поговорим о тех,
Кто нас всегда любил,
Кто в колокол души
О нас тревогу бил.

Пока свеча горит,
Пока горит свеча,
Мы будем говорить,
Доверчиво молча.

*На фото снизу вверх: А. Садулаев, Я. Хасбулатов,
Д. Ваппи, А. Айдамиров, Ш. Арсанукаев.*

Пепел Хайбаха стучит в мое сердце.
Распалась связь времен,
Погибли дети, жены...
Я – Уленшпигель,
Прорываюсь в Гент.
Стучится в сердце мне
Клаас сожженный.
Стучится в сердце мне
Хайбах сожженный
Да, горец я,
Да, я интеллигент.
Погиб Клаас.

Кострами инквизиций
Мы до сих пор
Еще озарены.
Сгорел Хайбах,
Но вечно будут сниться
Моей Чечни
Сожженные сыны.
И как же много
В мире лживых слов.
Они все лживей,
Их напор неистов.
Он в уши рвется
С топотом шагов
Идущих к власти нью-большевилов,
Спешащих к власти некоммунистов.
Они идут – чужие,
Все чужие.
Их к власти допусти –
Безвластие получится.
Не буду снова подчиняться лжи я,
Изгоем – в рабстве
Я не буду мучиться.
Зовут тире и точки телеграмм,
Работает конгениальный Бодэ:
Стучит Клааса пепел в сердце нам.
Стучит Хайбаха пепел – жизнь отдам
За это счастье горькое – свобода.

ГОРСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, мой орленок, спи,
До утра набирайся сил.
Нынче в горах снегопад.
Уйдешь – не вернешься назад.
Спи, мой орленок, спи,
До утра набирайся сил.
В горы ушел твой отец –
Неужто нашел конец?
Неужто не спас себя
В этих белых снегах?
Или овец потерял
И себя у меня украл?
Спи, мой орленок, спи,
До утра набирайся сил.
Злые ветры дверь теребят –
Разбужу я утром тебя.
Спи, мой орленок, спи,
До утра набирайся сил.
Если ты сын храбреца,
Отыщешь в горах отца.
У него эти горы в крови...
Если жив, домой позови,
А если уснул в снегах,
Я умру у него в ногах.
Спи, мой орленок, спи,
До утра набирайся сил.
Нынче в горах снегопад.
Уйдешь, но вернись назад.

Лариса БАДАЕВА

Родная кровь

*/Роман/**(печатается с сокращениями)**Продолжение.**Начало в №№ 1-3 (2020), №1,2 (2021).*

К вечеру полил дождик. Пространство вокруг клуба, обычно многолюдное, сейчас пустовало – все попрятались, кто в клубе, кто в близлежащих кафе. Внутри здания как обычно гремела музыка, было шумно, весело, молодёжь отдыхала. Лёша сидел в компании своих друзей и пытался разговорами и шутками поднять себе настроение. О недавнем случае в метро никто не вспоминал, все старательно делали вид, что ничего не произошло.

– Завтра все к Сереге пойдём, – Костян сделал большой глоток из банки с кока-колой. – У него дело есть для нас интересное.

– Это какое же? – Лёха с интересом поглядел на товарища. – Погром устроить?

– Погромы – отстой, вчерашний день, тут дело покруче намечается.

– Это становится интересным! – раздалось уже несколько голосов.

– Давай выкладывай, кого трясем?

К ним подошла девушка в коротком чёрном платье и с цепью на шее. Вихры её красных волос смешно топорщились, узкое лицо было живописно расписано: вокруг глаз черные тени, губы тоже покрашены в чёрный цвет. Девчонка выглядела как персонаж из мистических триллеров, но, в отличие от их героев,

обладала веселым нравом и дружелюбием.

– Привет, мальчики, что делаем? – она любезно улыбнулась им, а затем, как в награду за любезность, взяла со стола банку с напитком и угостила себя сама, не дожидаясь, пока это придёт в голову «мальчикам».

– Тебе чего, Милка? – Костя поглядел на неё влюбленными глазами. – Ты садись, не стой, – он схватил стоявший у соседнего стола стул, развернул его и вновь пригласил девушку: – Садись сюда.

– Не парься, Кость, я на секундочку, к Лёшке пришла.

– К Лёшке? – Костя толкнул локтем Лёшу. – Везет тебе. Милка пришла.

Лёха усмехнулся, повернул к ней лицо – он сидел спиной к девушке:

– Ты ко мне, Мила?

– Ага, – ответила девушка, вновь что-то беря со стола, на этот раз солёную соломку.

– Чего надо?

– Мне ничего, – она дожевала. – А вот двум чувакам ты зачем-то понадобилась.

Лёша побелел:

– Каким чувакам? Где они?

– Да вон у входа под дождём мокнут. Мне штуку отвалили, чтоб я тебя позвала.

– И ты взяла у этих?

– А почему бы и нет? Мне пригодится, – она надкусила следующую соломинку. – Зря я, что ли, тебя разыскивала, парилась?!

– Дура ты, Милка! – обозвал её Лёха, подымаясь из-за стола.

– Сам дурак! – обиделась Милка. – Больше ни за что не позову!

– Лёха, пойти с тобой? – предложил один из товарищей.

– Да нет, разберусь.

Тяжело ступая в своих высоких армейских ботинках, Лёша прошёл через весь зал, направился в вестибюль, поглядел – никого, спросил у охраны – те толком ничего не смогли объяснить.

Лёша вышел на улицу. Дождь продолжал идти часто, мелко, оттого стало очень холодно. Лёха поёжился.

– Здравствуй, Лёша.

Перед ним как из-под земли выросла фигура Керима.

– Чего надо?

– Соскучился. И брат твой по тебе скучает.

– Я вам уже говорил, чтобы не попадались мне на глаза! – Лёша отвечал грубо, резко, готовый вступить в драку. – Стоит мне сейчас кликнуть ребят, от вас мокрого места не останется, понял, чурка?

– Да понял я, понял, Лёха, не обижайся и не кипятись. Поговорить надо, обещаю, в последний раз. Мы завтра уезжаем, – Керим сделал нажим на «уезжаем», продолжил: – Ну, пойдём, а то Бувайсар ждёт, дожидается с нетерпением.

– И вы тогда уберетесь отсюда раз и навсегда?

– Слово даю! – весело ответил Керим. – Ноги моей здесь не будет! Ну, пойдём.

– Ладно, – сдался Лёша. – Пошли, а где базарить будем?

– Да здесь, за углом, под аркой, не под дождём же стоять, мокнуть. Холодрыга какая, ужас.

Они торопливо пошли по мокрому тротуару, свернули за угол. Как и говорил Керим, под аркой многоэтажного дома стоял Бувайсар,

ежась от холодного сквозного ветра. Наступали сумерки, ещё немного, и станет совсем темно, и тогда фигуры людей превратятся в силуэты.

Когда они прошли под арку к Бувайсару, Лёша в нетерпении произнёс:

– Говорите теперь, с чем явились, и поторопливайтесь.

– Здравствуй, брат! – поздоровался Бувайсар, улыбаясь и протягивая руку для пожатия.

– Привет! – буркнул Лёха, а руки не подал – сделал вид, что не заметил.

Бувайсар смутился, руку опустил, ничего не сказал, однако по лицу даже в темноте было видно: задело его пренебрежение нового родственника, но сдержался, постарался придать голосу веселые нотки. В это время под арку въехал какой-то чёрный джип, захватывая собой всё пространство. Он заставил Керима и его племянников придвинуться к стене. Курбанов-старший недовольно чертыхнулся.

– Вы долго будете молчать? – вскипел Лёша.

– Нет, молчать незачем, – ответил Керим. – Просто мы очень рады тебя видеть. Говорить с тобой – это такое счастье, знать, что у брата моего такой замечательный сын, которым можно гордиться.

Из джипа вылезли двое парней и стали меж собой разговаривать.

– Знаете, вы мне надоели! – Лёша уже не выдержал. – И гордиться мной вам незачем. Во-первых, я не медаль, чтобы мной гордиться, а во-вторых, у нас с вами нет ничего общего, нет, и не будет в дальнейшем, я ясно изъясняюсь?

– Более чем, – в голосе Керима сквозила печаль, он был разочарован поведением и словами Лёши, да нечего делать, придётся ждать. – И всё же, Лёша, мы – одна кровь, запомни это, и твоя семья ждёт тебя, желает тебе только добра.

При этих словах двое парней, что стояли возле джипа, быстро направились к ним. Лёша не успел понять, что происходит, как его схватили за грудки, понесли и запихнули в джип. Один из парней зажал ему рот, а другой, обнажив ему локоть, вколол из шприца какую-то жидкость, после чего Лёша обмяк и, хотя ещё был в сознании, но ни говорить, ни тем более шевелить руками не мог – всё стало ватным, не своим – и тело, и язык, и сознание.

– Вот, – сказал один из парней. – Теперь будет спать до самого дома, не волнуйтесь.

– Баркалла! – Керим крепко обнял парня. – Я очень вам признателен! Передай Гихо и Ганге, что я никогда не забуду их помощи. Удачи вам во всём!

– И вам удачи и счастливого пути! Вот Иса вас и доведет, – он указал на второго парня, который уже сел за руль. – Ну, езжайте теперь. Счастливой дороги!

Керим сел впереди с водителем, Бувайсар устроился рядом с Лёшкой. Их вещи уже находились в багажнике машины, Нина была предупреждена – в общем, всё складывалось как нельзя лучше, впереди ждала долгая дорога и встреча с родными.

Машина стремительно мчалась вперед. Ехали весело, перекидываясь отдельными словами, фразами. Лёша спал, время от времени Бувайсар проверял пульс, прислушивался к его дыханию и, оставшись довольным, улыбался. Чтобы Лёше было удобно, Бувайсар часто менял ему позу, то устраивал полулёжа, то, напротив, вытягивал во весь рост, положив его голову себе на колени, – в общем, старался для брата двоюродного как мог. Керим наблюдал за этими действиями через зеркальце, делая вид,

что не замечает, но в душе ему было отраднее за Бувайсара, его чуткость и забота тронули его до глубины сердца. Снова и снова говорил он себе: «Лёша – наш мальчик, наша кровь!» И сознание того, что он возвращает в семью ее представителя, переполняла его гордостью.

Джип ехал спокойно, благополучно проходя посты, внутри было комфортно, работал кондиционер, тихо лилась приятная музыка. Иса оказался искусным водителем. Благодаря его умелым действиям, очень скоро и без происшествий они оказались на территории Ингушетии. А там до Чеченской Республики оставалось рукой подать.

Вот здесь-то Лёша зашевелился, стал открывать глаза, хотя ещё толком не соображал, где он и что с ним происходит.

Проезжали мимо большого торгового центра. Неожиданно Керим попросил водителя остановиться. Сказав всем: «Я мигом», – быстро направились в сторону торгового центра, поднялся по ступеням и исчез внутри. Через некоторое время вернулся с двумя пакетами.

– Это одежда для Лёши, – объяснил он, видя недоуменные взгляды. – Надо же его одеть по-человечески, прежде чем он предстанет перед дедом и бабушкой.

– Ну да, конечно, он должен прилично выглядеть, – согласился Иса, нажимая на газ. Уже скоро он увидит свой Даймохк – Родину.

– ИншаАллах!

Пока ехали, Лёша окончательно пришёл в себя.

– Что все это значит? – взбесился он, увидев себя едущим в машине в компании незнакомых мужчин. Впрочем, дошло до Лёши, двоих он, кажется, где-то видел. Стоп! Да это же с ними он накануне беседовал! Это его так называемые родственники.

– Послушайте, – обратился Лёша к Кериму, – как я очутился в этой машине, и куда, чёрт возьми, мы направляемся?

– Чёрт здесь не причём, – Керим протянул ему бутылку с минеральной водой. – На, возьми, хлебни чуток, полегчает.

– Да уберите свою бутылку! – продолжал тот кипятиться. – Куда вы меня везете, можете объяснить?

– Могу – домой везем, в горы, хотим тебя с бабушкой и дедушкой познакомить.

– У-у-у! – взвыл Лёша, бессильно откидываясь на спинку сиденья. – Все ясно, вы меня похитили, а предварительно вырубил.

– Всё так, – кивнул Керим. – Только не вырубил, а усыпил, ты спал как младенец. А как Бувайсар заботился о тебе!

– Во гады! – огрызнулся Лёшка.

– Да ладно, успокойся, – попытался его образумить Бувайсар. – Все хорошо, поверь.

– Отстань! – зло пнул его локтем двоюродный брат. – Ничего хорошего я здесь не вижу.

– Напрасно, – покачал головой Бувайсар. – Погляди, как красиво вокруг, какие горы!

О, да! За окнами автомобиля было чем полюбоваться. Величественные горы Шатоя, покрытые лесами, отливали на солнце изумрудным блеском. Белоснежные облака плыли по небу, почти задевая макушки гор, кружились легкокрылые ласточки, пели песни жёлтые иволги. Лёша был покорён. Забыв, что похищен «чеченскими бандитами», он завороженно припал к окну. Дикая, необузданная природа предстала перед юношей во всей своей ослепительной красе. Он испытывал восторг, подобный тому, что испытал Бувайсар от созерцания московских улиц. Лёша не удержался, поглядел вниз: дух захватило, сердце учащенно забилося – такая бездна,

сила, мощь! А какое буйство красок! На лице Лёши было написано столько восхищения, что Бувайсар с Керимом, переглянувшись удовлетворенно, улыбнулись друг другу. Да уж, к Кавказу равнодушных не бывает!

– Вот, подожди, Лёша, – осторожно произнес Керим. – Я тебе такие места покажу, закачаешься. Прямо рай на земле.

Лёша моментально отпрянул от окна, помрачнел, не сказал ни слова.

Оставшийся путь проделали молча. Въехав в село, Керим попросил Ису остановить возле их родового кладбища.

– Зачем? – поинтересовался водитель.

– Хочу первым показать нашего орла Сайхану. Пусть порадует, если видит нас.

Как и просил Керим, водитель затормозил у ворот кладбища. Керим открыл дверцу, вышел, за ним последовали остальные. Лёша, ещё слабый, тоже вылез из машины, горный ветер ударил в лицо, с непривычки закружилась голова, он пошатнулся.

Бувайсар схватил его за руку:

– Держись, Лёша, ты ещё толком не пришел в себя.

Но Лёша отбросил его руку и хмуро пошёл к ограде кладбища, но войти не захотел.

– Пойдём, орлёнок, – ласково сказал ему Керим, несмотря на протестующие жесты парня. – Ты должен увидеть могилу своего отца, это твоя обязанность, как сына, – он потащил Лёшу за собой.

На кладбище в этот день никого не было. Обычно сюда время от времени наведывались родственники умерших, чтобы почистить могилы, подергать траву, да и просто постоять, прочесть молитву, подумать о бренности жизни и вечности души.

А сейчас кладбище пустовало, тишину никто не нарушал, лишь в глубине сидел какой-то оди-

нокий старик и молился. Курбановых он видеть не мог, так как находился спиной к ним, поглощенный своими мыслями.

Керим быстро отыскал могилу Сайхана. У нее был чистый, опрятный, ухоженный вид, на белой могильной плите – чурте – красивая арабская вязь, а также фамилия, имя, отчество и годы жизни.

Керим подошёл поближе, к горлу подкатил ком, защипало в глазах, но он усилием воли заставил себя успокоиться и, раскрыв перед собой ладони, прочитал молитву-дуа. За ним последовали Бувайсар, водитель Иса. Лёша стоял в стороне, хмуро наблюдая за происходящим. Молитва принесла Кериму облегчение. Он провёл по лицу ладонями, а затем поманил Лёшу:

– Иди сюда, подойди поближе.

Лёша послушался, подошёл. Голос Керима стал торжественен:

– Здесь лежит твой отец, Лёша, Курбанов Сайхан, да смилостивится над ним Всевышний. Наверное, он сейчас смотрит с небес на тебя, радуется. Я научу тебя молиться, читать дуа, и в следующий раз ты сам прочтёшь молитву. Ему это очень понравится.

Неожиданно Лёша заявил:

– Я бусурманом не стану, это исключено. И вообще, мне нет дела до вашего, как его, Сайхана...

– Замолчи! – резок стал голос Керима, стальные нотки отчётливо зазвучали в нем. – Не смей так говорить, слышишь! Никогда! Имей уважение и к религии, и к своему погибшему отцу. И имя его произноси с почтением. Гордись, достойный он был человек, светлая ему память, настоящий воин, патриот, мужчина. И внешне, – здесь голос Керима потеплел, стал ласков, – ты очень на него похож, прямо копия. Ну, а теперь идём, нас твои бабушка с дедушкой заждались. Только переоденься сначала.

«Всё равно сбегу, ничто меня здесь не удержит!» – поклялся себе Лёша, покорно сядя в машину. Иса завел мотор.

Когда джип скрылся из виду, сидевший в глубине кладбища старик поднялся. Глаза его возбужденно блеснули.

– Вот оно как?! – произнес вслух старик. – Значит, у Сайхана сын объявился? Вот это новость! Думаю, Умару будет очень интересно узнать об этом.

Сцепив за спиной руки, старческой походкой засеменял он в сторону дома семьи Байраковых, спешил рассказать, и заранее представлял, как вытянется от удивления лицо Умара, его брата.

А пока он так шагал, джип уже проезжал по улицам родного села.

Когда автомобиль затормозил возле тяжелых железных ворот, у Лёши заныло под «ложечкой». Он понял, что прибыли к конечному месту. Он так и сказал про себя – конечное место, а не «домой» или «к своим». Этот незнакомый край и этот двор за огромным, длинным, зеленым забором вызывали у него отторжение, неприязнь, злобу.

«Сейчас соберутся все местные чурки и будут меня осматривать, как обезьяну в цирке», – подумал он, недобрая тень легла на его лицо.

Бувайсар каким-то шестым чувством понял, что творится сейчас в душе брата. Мягко хлопнув его по плечу, произнес:

– Не дрейфь! Все будет супер.

Лёша с ненавистью дернул плечом, отбрасывая руку:

– Отвали, сам скоро задрейфишь.

Керим на это только фыркнул.

Все разом выбрались из джипа. На Лёше новые вещи смотрелись отлично, гораздо лучше, чем предыдущие, и если бы не хмурое выражение физиономии, он производил бы вполне

благоприятное впечатление и чудным образом вписывался в клан Курбановых.

На шум высыпала родня. Похоже, их ждали, готовились, знали, что вот-вот подъедут, и теперь многочисленные дяди и тети с нетерпением смотрели на юношу, чтобы заключить его в свои радостные объятия. Многие плакали.

Стиснув зубы, Лёша терпеливо ждал, пока приветствия, наконец, завершатся. Он безучастно наблюдал за всеми проявлениями этой семейной радости, послушно позволял себя тискать и обнимать. Иногда губы его растягивались в попытке улыбнуться, но это больше походило на кислую мину, чем на улыбку. Вместе с тем, он не мог надивиться тому, сколько родни прибыло встречать его. Конечно, он был осведомлен о больших семьях, характерных для Кавказа, но то, что он видел сейчас, превосходило все его ожидания.

А кругом раздавались восторженные возгласы и крики.

– Какой красавец – копия Сайхана!

– Ах, если б отец тебя видел!

– Сколько в тебе курбановского, нашего, молодец парень, что приехал!

– А как же! Гены все-таки.

– Конечно, от ген никуда, зов крови всегда приведет к родному порогу!

– Теперь ты дома, Лёша.

– Ислам примешь, и все у тебя пойдет по-другому.

– А мама твоя почему не приехала?

От всего этого шума и восклицаний Лёша пошатывался, точно пьяный. Ему казалось, что он находится в состоянии наркотического опьянения, но скоро действия наркотиков прекратятся, он проснется и не будет этих улыбающихся, чуждых ему людей в платках и тюбетейках, а будут свои, родные: Костян, Серега, Светка, Милка.

Но пока наркотический сон продолжал дей-

ствовать, не спешил уходить, и Лёша вынужден был смиренно подчиниться сложившимся обстоятельствам, уверив себя в том, что они, эти обстоятельства – явление временное, мимолетное. И он, Лёша, обязательно придумает, как поскорее сбежать.

Наконец, Керим, уже успевший перемолвиться с братьями и наскоро рассказать, как все происходило, повел Лешу, вконец обескураженного и сбитого с толку, знакомиться с дедом и бабушкой.

Керим буквально втолкнул Лешу в комнату отца:

– Смотри, отец, какой гость к нам пришел! – весело произнес он после приветствия.

Алдам резво спустился с нар, приблизился к растерянному Леше, впился взглядом в его лицо, долго изучал, с удовлетворением отмечая сходство юноши с его покойным сыном, неожиданно всхлипнул и одной рукой прижал голову Лешу к своей груди:

– Мой мальчик, вот ты и дома!

Лёша хотел было вырваться, но вдруг обмяк в объятиях деда, затих, сдался.

Алдам гладил свободной рукой голову внука, и непрошенные слезы стекали по его щекам, капая на рыжий ежик стриженных лёшкиных волос. На пороге появилась Хадижат. Все эти дни она не находила себе места, все представляла, как увидит сына своего первенца, как обнимет, как будет шептать ему нежные слова, такие непривычные для нее и такие теперь нужные. Домашние не узнавали обычно сдержанную Хадижат. Вся ее воинственность, строгость, жесткость как-то заметно ослабли, ореол непреклонности побледнел, зычность голоса поубавилась.

Увидела Хадижат внука, за сердце схватилась, губы ее побледнели, глаза слезами наполнились.

– Да умри твоя бабка вместо тебя, какой сегодня день! – воскликнула она, рукой касаясь лба,

глаз, плеч Леши, точно не верила в происходящее, точно хотела убедиться, что все это не сон, а самая что ни есть явь. – Да будет счастливым твой приезд, мой мальчик, да озарится светом счастья твоя дальнейшая жизнь!

Хадижат говорила на чеченском, но Лёша внимательно вслушивался в каждое произнесенное ею слово, понимая, что слова эти от чистого сердца, искренние, добрые, и нет худого в том, что он, Лёша, даст этим старикам порадоваться, все равно недолгой будет их радость, сбежит он, как только улучит момент, ни за что не останется, чуждо ему все это – и лица эти, и места, и горы проклятые! Домой, в Москву, как можно быстрее! А пока, конечно, нужно потерпеть малость.

Такие мысли таились в голове сына Сайхана, пока бабка с дедом любовались им.

А вечером устроили праздник, с шумом, весельем, щедрым застольем. Лешу заставили перепробовать все национальные угощения, показали всех дядьев, их жен и детей, и от всего увиденного, съеденного и выпитого у него закружилась голова, захотелось лечь, побыть одному, успокоиться, утешиться назойливой мыслью о побеге. Вскоре Лешу отвели в приготовленную для него комнату и, пожелав сладких снов, оставили отдыхать. Лёша лег в пышную постель, накрылся атласным одеялом, закрыл глаза. Наконец-то!

Пробовал заснуть – не получалось, слишком был переполнен эмоциями. Несмотря на стойкую неприязнь к новым родственникам, все же Лёша не мог не признаться себе, что вся эта шумиха вокруг его персоны, слезы радости бабки и сердечность деда, да и всех остальных каким-то образом тронули его, польстили самолюбию.

Он хмыкнул: «Интересно, каким был мой так называемый отец? Судя по всему, личность героическая. Да уж, наломал дров этот Сайхан! Сидел бы он в своих горах, ничего не случилось

бы. За каким чертом притащился он в Москву, да еще матери моей голову задурил? Придурки оба! А я расхлебывай. Гм, говорят, я внешностью в папашу. Такой же рыжий и синеглазый. Вот уж не думал, что черномазые могут быть белокожими. А мама моя, напротив. Вот и соображай, кто есть кто. Все перепуталось в башке. Скорей бы Светку увидеть»...

Дальше он не смог продолжить, так как заснул крепким сном. Горный воздух всегда способствует быстрому засыпанию. Целебен он, как целебно все вокруг – вода, минералы, травы, плоды.

А в это время весь Нихалой обсуждал новость, случившуюся в семье Курбановых. Сельчане поздравляли Алдама и Хадижат, грустили, вспоминая Сайхана, говорили о нем хорошее, и непрошенные слезы наворачивались на их глаза. Проклятая война...

И только в одном доме эта новость отдалась болью, стоном, кровью незажившей давнишней раны. Услышав известие о том, что в Нихалой привезли сына Сайхана, старый Умар сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев. Глаза сверкнули было, но потом свет в них померк, исчезла живость, бесцветные губы старика прошептали:

– Вот ты и вернулся, Сайхан, как и обещал...

Лёша проснулся от яркого солнечного луча, который сквозь штору окна вторгся в комнату и опустил ему на лицо. Он зажмурился и сладко потянулся – никогда еще так не высыпался. Тело было отдохнувшим, голова – ясной, мысли – спокойными. Горный воздух отчего края оказывал целительное воздействие. Однако пару секунд спустя после своего приятного пробуждения, поняв, где находится, вспомнив все свои злоключения за последние дни, со злостью ударил

кулаком по подушке: «Интересно, сколько еще будет продолжаться этот бред? Уж не думают ли его похитители, что он будет визжать от счастья из-за родства с ними, да еще находясь в этом каменном мешке?! Убегу, непременно убегу».

В дверь постучали.

– Да! – крикнул он.

Показался Бувайсар. Лёша хмыкнул. Этого тут не хватало. В Москве еще надоел, придурок.

– Можно к тебе? Ты уже проснулся?

– Проснулся, как видишь, – пробурчал Лёша, хватаясь за одежду. – А ты чего явился?

– Бабушка завтракать зовет. Я покажу тебе, где умыться, а потом завтракать будем.

– Достали вы меня! – зло промычал Лёша, идя следом за Бувайсаром, который привел его в просторную ванную комнату, которая ослепляла своей чистотой и красотой – дорогая сантехника великолепно сочеталась с таким же дорогим кафелем цвета бирюзы. На белоснежном умывальнике стояли пахучие мыла, шампуни, гели и прочие принадлежности. Рядом висело несколько мягких махровых полотенец. Лёша, представлявший, что в этой глуши воду придется брать ковшиком прямо из бочки, был приятно поражен – этот «каменный мешок» – так назвал он горное село – вовсе не лишен цивилизации. Надо же... кто бы мог подумать!

Он с наслаждением принял душ, подставляя лицо под потоки горячей воды, затем обтерся полотенцем докрасна, привел себя в порядок и вышел из ванной комнаты. Неизменный Бувайсар стоял рядом, в ожидании завершения утренних процедур.

– Ты так и будешь за мной ходить, охранять, сторожить, кормить из ложечки? – иронично заметил Лёша, но Бувайсар не обиделся, напротив, он с улыбкой оглядел брата, сказал, что тот прекрасно выглядит, и позвал к столу.

И впрямь, Лёша, отдохнувший, разгоряченный душем, чистый, благоухающий, имел весьма презентабельный вид.

Бувайсар завел его в столовую комнату под навесом, где они обычно ели. Там уже хлопотали Седа и Хадижат, за своим привычным столиком пил чай старый Алдам. Лёша вошел в комнату, произнес:

– Доброе утро!

– И тебе доброго утра, – ответили те дружно.

– Ты проходи, садись, – Хадижат, отодвинув массивный стул, усадила внука за широкий стол. – Сейчас покушаешь.

Запах в столовой стоял изумительный, такого он никогда не встречал.

«Интересно, – подумал юноша, – что они такого приготовили, отчего так вкусно пахнет?» Все стало понятно после того, как Седа поставила перед ним горячие ароматные лепешки золотистого цвета. Прямо при Лёше она стала ломать их на куски своими красивыми, белыми руками и выкладывать на широкое блюдо. Вот именно от них шел этот запах.

– Это чурек, хлеб кукурузный, – пояснила Седа. – Ты, наверное, никогда его не пробовал. Чувствуешь, как пахнет? Кукуруза у нас уродилась крупная, ядреная, сладкая, вот оттого и мука удачная. Я знала, что она такой будет.

Седа все говорила, а руки быстро и проворно растерли творог, залили изумительно тягучей, кремового цвета, сметаной, затем, разбив пяток яиц, она умудрилась зажарить их так, что получилась не какая-то заурядная плоская яичница, а целое произведение искусства. Пышная, нежная, с ярким желтым цветом, она скорее напоминала бисквит. Затем невестка нарезала в отдельную тарелку помидоры, огурцы, посыпала зеленью, рубленным чесноком, обильно приправила солью и перцем.

– Вот салатик, попробуй. Овощи свои, из ого-

рода, чистые, без химикатов. Сейчас чаю налью. Кушай, мальчик, поправляйся.

Голос Седы оказал магическое действие на Лёшу. Временно отложив в сторону свою неприязнь и желание бежать, он с аппетитом принялся уплетать предложенные Седой блюда. Рядом присоединился к трапезе и Бувайсар, который с едва заметной улыбкой наблюдал, как расправлялся с едой Лёша. Творог со сметаной Лёша ел ложкой, но Бувайсар предложил ему ломтиком чурека зачерпнуть из миски и быстро запихнуть в рот.

– Так вкуснее, – пояснил Бувайсар. – Попробуй.

Лёша повторил движение, но крошка творога улизнула с куска и угодила ему на рубашку. Бувайсар прыснул.

– Мазила! – сказал он, затем примиряющее: – Ничего, научишься постепенно.

– Ты думаешь, что я здесь застряну? – иронично ответил ему Лёша, салфеткой стряхивая крошку. – Не надейся.

Седа предупредительно принесла полотенце:

– На, возьми, Лёша, так тебе будет удобнее.

Остальные, взрослые домочадцы в разговор не вмешивались, боялись спугнуть.

– Спасибо! – вежливо ответил ей Лёша, расправляя полотенце у себя на коленях.

Тем временем Седа уже подавала мальчикам душистый калмыцкий чай.

– Попробуй, – сказала она Леше. – Это необычный чай, тебе понравится.

И действительно, Лёша нашел его превосходным. Он наслаждался терпким напитком, щедро сдобренный маслом, солью, перцем.

Когда он отпил последний глоток, в комнату вошли дядя – Керим, Салман, Исмаил. Бувайсар тут же встал, глядя на него, поднялся и Лёша.

– Приятного вам аппетита, мальчики! – сказал Керим и тут же Лёше: – Ну, как ночь прошла, какие сны виделись?

– Нормально, – уклончиво ответил Лёша, однако, как ни странно, к Кериму он не испытал сейчас ненависти, напротив, рад был его видеть, как лицо уже знакомое на фоне остальных, чужих и, как ему казалось, неприятных. Вмешалась Хадижат:

– Ну чего пристал, дай мальчику покушать!

– А мы уже поели, – ответил Лёша и за себя, и за Бувайсара. – Все было очень вкусно, спасибо.

– Надо говорить «баркалла», – заметил Керим. – Ничего, Лёша, научу тебя основным чеченским словам, а потом по ходу остальные выучишь. И еще – имя тебе другое дадим, но это потом.

– Меня и свое имя устраивает! – дернулся Лёша, разом потеряв все свое благодушное настроение.

Керим тут же почувствовал перемену в юноше и решил сменить тему:

– Бувайсар, – окликнул он второго племянника. – Пойдите, погуляйте по селу, ты горы ему покажи, наш водопад, только осторожно, мост там никудашный. Сколько раз хотели всем селом починить, все руки не доходят. Так вы идите.

– Идите, идите, – Седа добродушно улыбнулась своей мягкой улыбкой, отряхивая соринки с одежды Леша. – Знаешь, как там красиво? Прямо райские места. А я к вашему приходу баарш сварю с галушками. Ел когда-нибудь баарш? По глазам вижу, что не ел. Вот вечером и попробуешь.

Ее певучий голос вновь благотворно повлиял на Лешу, все-таки была скрыта магия в этом голосе, расслаблял и успокаивал он нервы, действовал как целебный бальзам, как прохладный ветерок.

Еще раз поблагодарив за еду, мальчики ушли.

Остальные расселись за столом. Пока Седа накладывала на тарелки очередные порции кушаний, братья обменивались впечатлениями.

– Чужие мы для него, – молвил Салман. – Боясь, не привыкнет он к нам, а то и просто сбежит.

– Я ему сбегу! – скорчил страшную мину Керим. – С таким трудом его выкурили оттуда, спасибо, помогли московские чеченцы.

В это самое время мальчишки уже осматривали местные достопримечательности. Покрутившись немного в центре и перезнакомив Лешу с дюжиной таких же ребят, Бувайсар потащил Лёшу в безлюдные места, на природу. Лёша, как ни странно, всем интересовался, ему понравилось село – добротное, богатое, и дома – новые, кирпичные.

– Здесь что, не было войны? – спросил Лёша Бувайсара.

– Была, еще какая.

– Не похоже.

– Еще бы! – Бувайсар усмехнулся. – Чеченцы – народ трудолюбивый, а строительство у каждого в крови. Восстановили в два счета.

– Надо же! – только и смог ответить Лёша.

«Черномазые» открывались ему несколько с неожиданной стороны – бандиты, воры, террористы, оказывается, умеют созидать, строить, восстанавливать.

«Надо же, – думал Лёша, – и в доме у них порядок, чистота, однако все равно они чурки и все равно сбегу, не останусь, не заманят они меня, чужие они и всегда останутся чужими. И этот Бувайсар – фу, черт ногу сломит от этого имени! – и он чужой. Убегу».

– А есть что-нибудь поинтересней, помимо кирпичных коробок? – несколько небрежно спросил он.

– А как же! – воскликнул Бувайсар. – Да посмотри вокруг – разве это не красота: горы, ущелья, леса, а в них родники журчат, птицы поют, зверья всякого много, в реках рыбы хоть руками доставай. Пойдем, – он решительно схватил Лешу за руку. – Я покажу тебе водопад.

– У вас тут водопад?

– Да, пойдем, покажу, – Бувайсар убыстрил шаг. Вокруг, через ограды домов, виднелось множество фруктовых деревьев, их ветки свисали через заборы. Увешенные еще не до конца созревшими яблоками, сливами, грушами, вишней, ветви тяжело удерживались, цепляясь за заборы.

Лёша на ходу срывал то грушу, то яблоко, удивляясь тому, что никто из местных ребяташек не проявляет ни малейшего интереса к этому фруктовому разнообразию. Потом сообразил – у всех этого добра много, никого не удивишь и смысла делать облавы на чужие сады совершенно нет.

Стало жарко. Солнце подходило к зениту, кружили птицы с веселыми криками, жужжали шмели, переливались в полете стрекозы.

– Скоро уже? – нетерпеливо протянул Лёша, уже разморившись от жары.

– Скоро, почти дошли, – отвечал Бувайсар. – Смотри, как внизу шумит Аргун. Только близко к обрыву не подходи, упадешь.

Лёша посмотрел и обмер – внизу, на головокружительной глубине, шумит, огибая большие валуны, мутная река. Заезаешься и все, конец тебе – рухнешь в реку, а она с ревом потащит тебя, и захлебнешься мгновенно в пенистых, буйных, холодных водах Аргуна. Эта река шутить не умеет, заигрываний не признает и наказывает жестоко.

– Ух ты! – только и промолвил Лёша, быстро отступая от кручи. – Какая пропасть, аж дух захватывает! И как вы здесь ходите спокойно? Неужели никто не срывается?

– Срывается, конечно, не без этого. А так – привыкли, с детства бегаем по горным тропам вверх, вниз. Гляди, а вон и водопад!

Оказывается, они и не заметили, как приблизились к месту, где ревел водопад. Вокруг него раскинулись лесные массивы, от них веяло

тишиной, прохладой, таинственностью. Мальчишкам оставалось пройти лишь через висячий мост, но дело это было весьма непростым, так как ветхий мост имел весьма удручающий вид. У Лёши при виде жалкого моста перехватило дух, но выглядеть трусом в глазах Бувайсара он не собирался, и даже сама мысль о том, что тот заподозрит его в нерешительности и страхе, внушала ему отвращение. Однако сам Бувайсар на ветхое строение с гнилыми досками, между которыми были огромные щели, сквозь которые виднелись стремительные потоки реки Аргун, смотрел совершенно спокойно. Видно было, что не раз и не два бегал он по этому мосту.

– Не бойся, – обратился он к Лёшке. – Главное – не смотреть вниз. Потом привыкнешь.

– А кто тебе сказал, что я боюсь? – ответил Лёша с вызовом и первым полез на мост. Бувайсар двинулся следом.

На противоположном конце моста, у водопада, сквозь шум и брызги воды доносились едва слышные голоса девушек.

Когда Лёша сделал всего несколько шагов, то понял, что на деле представляет собой висячий мост. Его качало из стороны в сторону, гнилые, шатающиеся доски готовы были вот-вот выскокить из-под ног, и тогда Лёша неминуемо бы рухнул в воду. Он собрал все свое мужество и осторожно пробирался по мосту. При этом он не произносил ни слова, и Бувайсару, которому было очень любопытно, что сейчас чувствует его брат, оставалось только догадываться об эмоциях, которые сейчас испытывал Лёша. Сам же он шел мягко, непринужденно, знал каждую дощечку, и поэтому ноги его самостоятельно, независимо от него, выбирали себе нужную в смысле безопасности и надежности.

На середине пути неожиданно подул сильный ветер. Мост как щепку качало по воздуху. Лёха,

изо всех сил старавшийся сохранить присутствие духа, вдруг оступился – его нога, выбив доску, попала в проем. От неожиданности он ойкнул и упал на одно колено. Бувайсар мгновенно подскочил, помог выбраться и сказал:

– А ты смелый, Лёша. Это самое опасное место. Здесь у многих нервы не выдерживали, паниковали, а ты ничего.

Очень это польстило Леше, он хмыкнул, хотя виду не подал, а страх как бы сам собой улетучился. Парень быстро поднялся на ноги, ответил нарочито небрежно:

– Я не из пугливых, запомни это. Меня гнилой доской не запугаешь. И не в таких передрыгах участвовал, можешь мне поверить. Так что, не ты один такой шустрый.

– Конечно, ты не из пугливых, – согласился Бувайсар и тут произнес сокровенное: – Ты же сын дяди Сайхана. А отчаяннее его здесь в горах никого не было.

Лёша вздрогнул, услышав это, и процедил зло:

– Опять это имя. Сколько можно о нем говорить?! Не желаю знать ничего! Ясно тебе?

– Ясно, – тихо ответил Бувайсар, но заметил: – И все же от него тебе никуда не деться.

Лёха ничего не ответил.

Остальной путь проделали молча, говорить более не хотелось.

А над головою небо бездонное, синее, ясное, точно подбадривает, точно заигрывает, радуется, смеется. Природа буйствует яркими красками, играет, переливается. Хорошо в горах! Чувствуешь себя сильным, могучим, здоровым, точно эта мощь и сила гор в тебя вливается. Лёха уже в конце пути освоился немного, уверенность в движениях приобрел, душой приободрился – понравилось ему! Только вида не подает, чтобы этот братец его новоявленный не возомнил чего, не понапридумывал себе всякого.

А тут девчонки, откуда ни возьмись, выскочили из глубины чаши, увидели двух парней, вскрикнули, засмутились, спрятались. Потом, чуть осмелев, засмеялись и бросились прочь от них с визгом, шутками. Все девчонки как на подбор: тоненькие, стройные, большеглазые.

Бувайсар бросил веселую реплику в сторону убегающих девчонок, покосился на брата, а тот стоит, не шелохнется, точно вкопанный, точно привидение увидел или что-либо подобное.

– Ты чего? – посмотрел на него Бувайсар, даже рукой провел влево-вправо перед его лицом. – Черта увидел?

Лёша медленно произнес, приходя в себя:

– Ты видел ее? Видел?

– Кого? – не понял Бувайсар, но затем смекнул: – Что, неужели одна из этих девчонок так сразила твое сердце? Ой, не могу! – и он засмеялся.

– Не смей! – крикнул Лёша, схватив его за грудки. – Не смей смеяться, понял, ты?..

Бувайсар оборвал смех, спросил строго:

– Ну и кто я? Говори – небось, чурка безмозглая?

– Нет, – спокойно пожал плечами Лёша. – Младший брат, который проявляет неуважение к старшему.

От удивления у Бувайсара глаза полезли на лоб.

– Вот это да! – восхищенно и одновременно удивленно воскликнул Бувайсар. – Как быстро мы переняли традиции Кавказа! Что ж, похвально, а самое главное, крыть нечем. Виноват, каюсь.

В знак смирения он прижал руку к груди и склонил голову. Получилось немного театрально, но чрезвычайно красиво, и Лёше нечего было добавить и не к чему было придаться.

– То-то, – сказал Лёша вполне миролюбиво, затем вновь повторил: – Не знаешь, кто та девушка в цветастой юбке, которая бежала последней? Ну, еще волосы у нее длинные, светлые, как пшеничное поле?

– А-а-а, – протянул Бувайсар, – конечно знаю. Это Хава Байракова, наша односельчанка.

– Хава... – повторил Лёша как во сне. – Красиво.

Бувайсар усмехнулся:

– Тебе ж наши имена не нравились. Дикарские, жуткие. А тут «красиво», понимаешь ли. Кстати, если на русский манер произносить, то это имя будет звучать как Ева.

– Понятно. Ева – тоже красиво.

– Слушай, – Бувайсар схватил его за руку. – Мы так и будем здесь стоять и вздыхать? Да куда Хавашка не денется. Смотри, какой водопад! Зверюга, а не водопад! Давай искупаемся!

Водопад действительно представлял собой впечатляющее зрелище. Громадные потоки воды били из горы и с ревом бросались вниз в стремнину реки Аргун и там, смешиваясь с рекой, неслись эти воды далеко-далеко вперед.

Мальчишки проворно скинули верхнюю одежду, встали под струями, которые были потоньше, ежились, охали от холодной воды, иной раз у них захватывало дыхание, но они продолжали стоять, обтирая себя руками, жмурясь и визжа от удовольствия.

Наконец, подустали, выбрались на сухое место, быстро оделись и легли отдыхать в густую зеленую траву, раскинув руки от блаженства. Хорошо-то как! Лёше казалось, что он в экзотически-райском месте, неожиданно очутившись там по волшебству, по чьему-то желанию. Кругом пели птицы, одна залиvistее другой, копошились насекомые в траве, летали бабочки, шмели, стрекозы. И ничто более не нарушало эту чарующую гармонию вечной природы.

Постепенно их одолела дремота. Они заснули, лежа рядышком, бок о бок, безмятежным мальчишеским сном. А бабочки и стрекозы продолжали летать, стараясь не задеть их ненароком

нежными крылышками, водопад чуть поубавил шум, превратив его в колыбельную, солнце отдалило лучи свои от их лиц. Природа, как любящая мать, заботливо охраняла мирный сон двух парней, впереди у которых была нелегкая дорога жизни, со своими ошибками и уроками.

Когда они, наконец, открыли глаза, день уже начал клониться к закату.

– Ничего себе поспали! – воскликнул Бувайсар, глядя на часы. – Четвертый час. Нас, поди, уже заждались. Давай, Лёша, вставай, пошли, беспокоиться наши будут! Ведь Седа обещала к обеду баарш приготовить. Ты пока еще не знаешь, что это такое, но как только узнаешь, – он многозначительно присвистнул, – язык проглотишь!

– Ну и что это за чудо-юдо, баарш? – язвительный голос Лёши, уже вставшего и приводящего себя в порядок от травинки и соринки.

Бувайсар ответил в том же тоне:

– Кишки бараньи. Любишь кишки?

– Фу! – поморщился Лёша. – Гадость какая!

Бувайсар посмеялся:

– Это ты сейчас так говоришь, поглядим, что скажешь, когда попробуешь! Ну, пошли, что ли, обратно...

Обратный путь вновь через висячий мост. Его проделали на этот раз спокойно, без особого труда. Лёша сам себе удивлялся. Еще несколько часов назад этот мост вызывал у него ужас, теперь же он уверенно, шаг за шагом преодолевал его. Неужели так и со всем остальным? Лёша страшился этого.

Дома встретили их по-прежнему шумно, весело, слегка пожурив за то, что пропадали так долго.

– Такой обед вам организовали, – ворчала бабушка Хадижат, с любовью глядя на обоих внуков. – Где ходили-то?

– Баба, я показывал ему водопад, там сейчас здорово.

– Тот, что через висячий мост?

– Именно.

– Ой-ой, – запрочитала Хадижат. – Он же весь гнилой, чего туда полезли-то?

– Ничего, выдержал нас этот мост. И еще долго выдержит. Правда, Лёша? – подмигнул Бувайсар двоюродному брату.

Тот лишь отвел глаза.

Вышла Седа.

– Заходите, мальчики, – позвала она. – Я накрыла вам стол. Идите, покушайте.

Маленькая дочка Седы кружилась вокруг, затем подошла к Бувайсару и подняла свои руки: – Подкинь меня! – попросила она.

Бувайсар подхватил девочку и подбросил вверх. Она завизжала от восторга.

– Ну, хватит, – строгим голосом начала выговаривать Седа. – Оставь братьев, не мешай. Не видишь, они голодные, усталые.

Бувайсар поставил девочку и обратился к Седе:

– Седа, а что ты приготовила? Точно баарш, как и обещала?

– Точно, точно, ну идите уже, – она, легонько толкая обоих юношей в спину, потащила их в столовую.

Стол был уже давно накрыт. На огромном блюде возвышалась гора из кукурузных галушек. На блюде поменьше лежали баарш – тугие, толстые колбасы из бараньих желудков, начиненные сочным, приправленным пряностями, ливером. От них шел пар. Аромат над столом был просто оглушающим. Мальчики сели за стол. Бувайсар пододвинул Лёше чистую тарелку, вилку, блюдо с галушками, выбрал наиболее, как ему казалось, сочный баар и подал брату:

– Вот возьми, этот самый вкусный.

Седа поставила перед мальчиками пиалы с горячим чесночным соусом.

Лёша, держа в руке баар, нерешительно погля-

дел на Бувайсара. Тот, поняв, в чем дело, начал объяснять:

– Вначале надкуси, а затем в надкусанном месте залей ложки две чесночного соуса и втяни в себя. Увидишь, как это будет вкусно.

Затем, для наглядности, проделал это со своим. Лёша повторил движения и, как велел Бувайсар, втянул в себя сок со всем содержанием. Такого невероятно вкусного блюда он не ел еще в своей жизни. Желудки ягнят нежные, сочные, мягкие, с приятным вкусом, а ливер и того лучше, и вместе они создают такое великолепное сочетание вкуса и аромата, что рискуешь во время еды остаться без пальцев.

Проведя весь день в горах, да еще накупавшись вдоволь в холодной воде, мальчики изрядно проголодались и сейчас поглощали кушанье с завидным аппетитом. Лёша, макая кукурузные галушки в соус, поедая баар так, словно всю жизнь этим и питался. Лицо его лоснилось от жира и удовольствия.

Седа налила чай, подала сладости, варенье.

Лёша перебирал глазами различные сорта варений, которые были разложены по вазочкам.

Бувайсар предлагал ему попробовать то одно, то другое.

– Вот смотри, это из мушмулы, а это из дикой груши, а вот это – никогда не догадаешься – из зеленых грецких орехов.

Чаепитие подходило уже к концу, когда во дворе послышались чужие голоса. Седа выглянула через окно:

– К нам соседи пожаловали зачем-то.

– А кто? – поинтересовался Бувайсар и тоже через витраж поглядел вглубь двора.

– А-а-а, Байраковы пришли. Интересно, зачем? Неужели на Лёшу посмотреть? – Бувайсар искоса поглядел на Лёшу.

При последних словах тот дернулся и сказал с явной досадой:

– Чего это на меня смотреть? Я им не клоун!

– Да ладно, не кипятись. Это у нас обычай такой, радоваться за своих друзей, родственников, односельчан, поздравить их с важнейшими событиями в их жизни. А разве сын Сайхана – живой, здоровый, красивый, большой – не важное событие? Конечно, важное, вот и посуди сам. И не обижайся. Давай лучше диски посмотрим.

Они прошли в конец навеса, под которым была пристроена комната. Вошли, ощутив приятную прохладу. Здесь стоял широкий диван и тумбочка с телевизором, DVD-приемником и дисками.

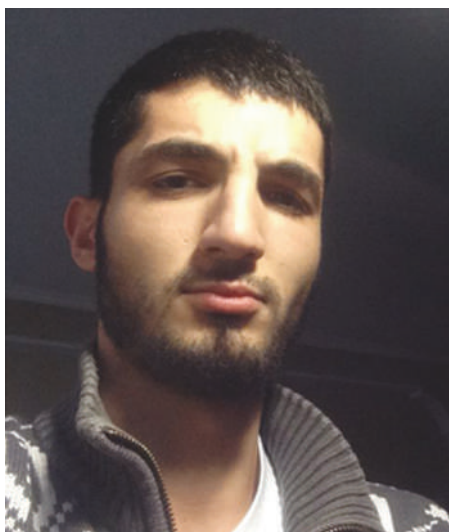
Бувайсар выбрал диск, включил телевизор. Сели рядом на диван, полностью сосредоточив свое внимание на экран. Лёша глядел на героев фильма, которые сражались, спорили, любили, умирали, а сам мысленно возвращался к водопаду. Вновь ему слышались девичьи голоса, виделась девушка в цветастой юбке, с пшеничными волосами. Сердце его замирало и таяло.

Продолжение следует.

Ли́ра

Асхаб АЛИЕВ

Асхаб Алиев (1992). Родился в Грозном. Образование высшее – факультет экономики и управления, ГГНТУ. Пишет стихи со школьных лет, пробует свои силы в прозе. Публикуется в соцсетях Интернета, в журнале «Вайнах».

БУРЯ

В попытке развенчать твою судьбу,
 В попытке обуздать ее своею,
 Я проклинаю вновь любовь твою
 И не могу никак напиться ею...
 Я исчерпал все силы в той борьбе,
 Которую, увы, никак не выиграть...
 Она разит на суше и в воде –
 Любовь, что впилась в сердце
 когтем тигра...
 Нет бедствия ужаснее и злей,
 Чем, если был ты обречен любить...
 Я – раб, что должен
 презирать Цирцею,
 Но только для нее готовый жить...
 Что толку в песнях
 Уильяма Шекспира,
 Раз ты влюблен
 В бесчувственный гранит...
 Что толку в этом затхлом,
 тусклом мире,
 Что разочарованья лишь хранит?
 И весь тот романтизм
 морских пейзажей,

Парижских улиц,
 лондонских мостов...
 Фонтанчиков, бульваров и пассажей...
 Зачем? Ведь спит давно моя любовь...
 В попытках разбудить ее от сна...
 В попытках ощутить тебя всецело...
 Я выжил наконец-то из ума...
 И сердце наконец окаменело...

Игра теней, расписанный сценарий,
 Тоскливо-смехотворный балаган...
 Мир промерзает до костей в пожаре,
 Окутанный в безжизненный туман...
 Душа бесценна – и гроша не стоит.
 Мы не способны истину принять...
 Богатый мимо страждущих проходит,
 И бедным на богатых наплевать...
 Людское племя напрочь очерствело,
 И каждого заботит только он...
 Осталось мало праведных и смелых,
 Судьбу вершит податливый закон...
 Никто не хочет выйти авангардом,
 Вести борьбу неравную с собой.
 Намного проще быть
 безмозглым стадом
 С меняющейся вечно головой...
 Нам лень, и эта лень нас умертвила:
 Плыдем бревном с течением вперед...
 Забыли мы, что есть внутри нас сила,
 Которую нам даровал Господь...

И видеть это все – смешно и больно,
Мы сами превратились в рабов...
Рожденный, чтобы стать,
Как птица, вольным –
Заложником стал собственных оков...

Я не видел ни розовых окон,
Ни потерянных синих небес,
Сквозь осколки
раздробленных стекол
Я прошел и в забвении исчез...

Я не верил ни в счастье, ни в чудо,
Я забыл, что такое любить...
И, разлив свою память в сосуды,
Попытался ее оживить...

Я покинул свой мир и проснулся,
Но остался среди ржавых цепей...
И мой разум, что жалко прогнулся,
Стал добычей в объятьях сетей...

Я делил свои мысли на части,
И в душе их по полкам хранил,
Я лепил из фантазии маски,
И с презрением их я носил...

Я ушел и покинул отчизну
И не стал о себе горевать...
Навсегда разминулись мы с жизнью...
И теперь мне на все наплевать...

К М...

Повеяло из окон вдруг тоскою,
Становятся свинцовыми года,
Которые прожили мы с тобою,
Не зная друг о друге ни черта...

Едва ли мы знакомы...
Но поверь мне...

Тебе лишь открывается душа,
И только ты узнаешь, что за дверью,
Которую я запираю всегда.

Как странно, но я чувствую покой,
Свободу в откровенности своей.
Мне так уютно и легко с тобой,
Ты остров среди тысячи морей.

Вся жизнь как будто катится ко дну,
И вроде все отлично, но не так...
Я лодка, в шторм попавшая во мглу...
И ты теперь мой радужный маяк.

Не знаю, почему тебе пишу...
Слова текут рекой, ложатся в строчки.
Мой разум не готов еще ко сну,
Но, думаю, пара поставить точку.

К М... (II)

Ты падаешь с перины
прямо в царство
Живых легенд, что встретишь
только в сказках –
Мир грез, где вечно
властвует Морфей.
В нем все: от злобных чудищ и до фей –
И все наоборот бывает часто...

Ты закрываешь веки, ну а я
За сотни верст
Не сплю и представляю,
Как сон твой берегу, сижу у края,
Где нежится головушка твоя –
И, сидя так, под утро засыпаю...

Ты видишь сны, и кажется нечестно,
Что видеть их и быть в них не могу.
А вдруг ты попадешь во сне в беду?
Поэтому не нахожу я места
Себе и не могу никак уснуть.

ГОЛОС МАМЫ

Шелохнется колос,
В чистом поле голос
Позовет меня.
Нежен он и ласков,
Будто бы из сказки...
Памяти забава –
Странная игра.

Даже до рожденья,
Словно привиденье,
Рядом был всегда.
В ночь, под дождь с грозой,
Душу успокоит
И споет мне песню,
За руку держа...
Стал чуток взрослее,
Он все также греет
Сердце без огня.
Если заболел,
Холит и лелеет,
Сразу оставляет
Все свои дела...
Голос материнский,
Высшая из истин –
Свята и чиста.
Мама понимает
Все, всегда желает
Лучшее на свете
Своему дитя.

Поседеет волос
И затихнет голос,
Пролетят года.
Зимы холоднее,
Ночь еще чернее,
И в душе ни звука,
Я лишился сна...

РАЗНЫЕ...

Ты гадаешь по звездам,
Ну а я по руке...
Принимаешь всерьез все,
Ну а я не могу...
Не могу не смеяться,
Когда жизнь – маскарад...
Я люблю оставаться
С миром наедине...
Ты читаешь романы,
Где есть принц на коне,
Для меня это странно,
Я читать не люблю...
Не люблю писанину
Про сплетение судеб...
Там, где лишь половина
И пропущена суть...
Ты привязана к людям,
К современным стихам...
А меня это губит,
Я привык быть один...
Быть один в своем мире
Из несбыточных грез...
Где всегда твою руку
Предпочту вместо звезд...

Голоса грузей

Раиса ДИДИГОВА

Известная ингушская поэтесса, филолог, видный политический и общественный деятель, Раиса Абукаровна Дидигова родилась в 1956 году в с. Ванновка Тюлькубасского района Южного Казахстана. По окончании Пятигорского педагогического института иностранных языков (факультет немецкого языка) в 1979 году, работала в сфере образования и управления: учителем немецкого языка, директором СШ №1 г. Назрань, в Администрации Президента Республики Ингушетия, а также в Правительстве РИ.

Поэзией начала увлекаться будучи студенткой Пятигорского института – первое стихотворение называлось «По лермонтовским местам» и было опубликовано в 1975 году сначала на страницах республиканской газеты «Сердало», а чуть позже – в московском журнале «Жизнь национальностей» (№1, 2003). С тех пор стихи Раисы Дидиговой печатаются практически во всех северокавказских литературных журналах: «Литературная Ингушетия», «Литературная Кабардино-Балкария», «Голос Кавказа», «Минги Тау» («Эльбрус»), «Дон и Кубань», «День и ночь», «Великороссь»; также они публиковались в международном журнале «Azerbaijan Dunyasi» («Мир Азербайджана», 2013). В 2002 году издана её первая поэтическая книга – «Прикосновение», за которую автор была награждена профессиональными литературными организациями статуэткой «Золотой Пегас», а от Национального Артистического Комитета России – дипломом и званием «Лауреат шестой Артиады народов России» в нескольких номинациях. Вторая книга, под названием «Духовная память», также была очень тепло встречена читателями, а некоторые произведения из нее были переложены на музыку и исполняются популярными российскими певцами. Произведения Р. Дидиговой также вошли в антологии.

В творчестве Раисы Дидиговой огромное место занимает тема родины и судьбы ингушского народа, в особенности ее трагические страницы. В то же время её не оставляют равнодушными процессы, происходящие в жизни народа на современном этапе развития, состояние природы – что находит отражение как в творчестве, так и в общественной деятельности. Все эти качества многогранной личности поэтессы не остались незамеченными – так, по итогам проводимого конкурса, в рамках международной программы «Знатная женщина XXI века», организаторами Северо-Кавказского представительства Мирового и Российского артистического комитетов в 2004 году Раиса Дидигова была признана победителем. А через год ее имя вошло в книгу «Знаменитые люди Кавказа».

В настоящее время Раиса Дидигова имеет звание народного писателя Республики Ингушетия, возглавляет правление Союза писателей республики и продолжает активно заниматься творчеством. С 2002 года является членом Союза писателей России. Имеет многочисленные государственные награды за вклад в культуру и многолетнюю работу в системе образования республики.

НЕИЗБЫВНАЯ БОЛЬ

Редуют ряды ветеранов войны...
Сверкает их жизнь серебром седины;
Их память хранит фронтовые дела,
В воспоминаниях – мало тепла.

Значение подвигов, ратный их труд
Репрессии черные перечеркнут...
На лицах – сердце уязвленных печать,
Глаза безысходностью прошлой глядят.

В морщинах вопрос безответный застыл:
«За что же народ наш наказан так был,
Как мог повториться былой произвол,
Что позже по детям и внукам прошел?»

Кровавых зарубин печальная нить
Мешает военные раны лечить;
Но травмы душевные ранят больней,
И боль неизбывная стала сильней!

Живущим и жившим – нет им цены...
Войны ветераны – народа сыны!
Был стойкости полон их горький удел;
Так будем достойны их праведных дел!

И В МИРСКОЙ БЕСПЛОДНОЙ СУЕТЕ...

Оскуденье истинной любви
Беспощадно сущность истязает:
Холод заблуждения в крови...
Страх в душе и плоти обитает.
Так теряет человек себя,
Незаметно приближаясь к грани,
Где перипетии бытия
Превращают сердце его в камень.
А за гранью ценности не те...
Истины лишь проблески мерцают;
И в мирской бесплодной суете
Человека век бесследно тает.

Осознает каждый, как он жил
В миг, когда реальность проступает:
Человек в падениях парил,
А ему казалось, что взлетает...

И ВОПРОШАЮТ МЫСЛИ...

В воздухе что-то зависло,
Душу тревожа мою...
Путаясь, скачут мысли
О том, как в родном краю

Все гуще алеют зори
И чернью закаты глядят;
Эхом нежданного горя
Все голоса звучат.

Неясные вихри кружатся,
Клубится, темнея, туман...
И камнем на сердце ложатся
Следы от глубоких ран.

С неба струятся ливни
Непрерывных дождей,
Словно несут обилие
Боли и слез людей.

Незванные, вновь нависли
Игры мрачных теней...
И вопрошают мысли:
«Кто нам вернет сыновей?»

МОРЕ ПЕЧАЛИ

Море печали,
Волны неволи...
Где ты, начало
Горя и боли?

Может осознаны
Корни страданий?

Иль они посланы
В знак наказаний?

Зов очищения
В воздухе тает...
Дух озлобления
Нас угнетает;

Чересполосица
Благ и лишений...
Разноголосица
Хора суждений...

Ночь застоялую
Преодолеем...
Родину славную
Сердцем взлелеем!

СЛОЙ ВЕЧНОЙ ЧИСТОТЫ

Памяти Идриса Зязикова

Твой дух пленял могуществом,
Ты шел благим путем,
Став редкостного мужества
Ярчайшим образцом.

Людские воплощал мечты,
Народу был отцом...
Но... непомерной клеветы
Трагическим венцом

Увенчан этот славный путь...
И мера той вины
Определила горя суть,
Что испытали мы.

Ни боли острой, ни обид
Не знают там, где ты;
Предательством не тяготит
Слой вечной чистоты...

Примером жизни и сейчас
Ты непрестанно учишь нас
Терпенью и любви,
Чтоб обходили всякий раз
Нас роковые дни...

О, если б истины твои
Усвоить мы могли?!

РОДНАЯ ИНГУШЕТИЯ

Мой бархатный волшебный край!
Мелодии ущелий, гор,
Земной пронизывая рай,
Небесный радуя простор,
Плывут над Родиной моей,
Теряясь в нежных облаках,
Рассеивая мрак ночей,
Играя в солнечных лучах.
Объяты скалы и хребты
Густою зеленью лесов,
И совершенной красоты
Исполнен девственный покров...
Сочится радугою свет,
Резвится водопад в порогах,
Даря пожизненный обет
Быть с нами в счастье и тревогах.
Равнина у подножья гор
Лежит, покорно зеленея...
К ней любящий суровый взор
Свой обратил седой Кавказ;
Долинами коварных рек
Болезненно рассечена,
Под произволом прошлых лет
И ныне жить обречена.
Неповторимой красотой
Влечет ансамбль стройных башен,
Жильем и... крепостью порой,
Служивший мудрым предкам нашим;
Творенья строгих мастеров,
Застывшие в надменной позе,

Хранят историю веков,
 Зовут, сияя, словно звезды!
 Не омрачить нам их седин,
 Что серебрятся незабвенно...
 Бег времени необратим,
 И возродится несомненно,
 Омытый кровью отчий край,
 Земля, в слезах воспетая,
 Раздробленный бесценный рай,
 Родная Ингушетия!

НОСИТ В НЕБЕ ЗВЕЗДА ВАШЕ ИМЯ...

Памяти Давида Кугультинова

Носит в небе звезда Ваше Имя,
 Ваш талант – достояние мира,
 А величие соизмеримо
 С необъятным вселенским эфиром.

Вы космической сути глубины
 Каждой строчкой своей открывали;
 И земного пространства картины
 Через образы людям являли.

Все сюжеты трагизма, лиризма
 Продиктованы вехами жизни...
 И сквозь Вашу сердечную призму
 В души льются слова об Отчизне.

Светлой явью была наша встреча:
 Вы на съезд ингушей приезжали,
 И растрогав сочувственной речью,
 Солидарность свою выражали;

В сердце Ваше храню я признание,
 Благодарности слезной звучанье
 За балладу мою о страданиях,
 О репрессиях и ожиданиях...

Предначертано было начало...
 Но духовная жизнь бесконечна;
 Слава Вашу судьбу увенчала,
 Ценность творчества Вашего вечна!

Светлой лирой своей окрыленный,
 В высшем слое свободно парите;
 И, калмыцкою степью возвращенный,
 Всей Вселенной Вы принадлежите!

БЕССМЕРТНЫЙ СЛОГ

Памяти Анны Ахматовой

Мелодией любви и грусти нежной
 Пронзает душу твой бессмертный слог;
 В стихии дум и чаяний безбрежной
 Преобладает горестей поток:

И слышится, как грудь похолодела,
 Беспомощные вздохи издавала...
 Как ты на руку правую надела
 Перчатку, что не с той руки была.

Вдруг завиднелись мрачные строенья
 И запах гари в воздухе застыл;
 И день, когда замолкло птичье пенье
 Прощальной печалью исходил.

О, сколько сердце дней таких вмещало?
 Отчаяньем строфа порой звучит;
 Но сила духа путь твой освещала
 И этот свет поэзия хранит.

Ты в слитки золотые отливала
 Стихи, те, что из сора извлекла...
 Их глубиною мысли начинала
 И негою душевного тепла,

Чтоб вечно мир земной обогащался
 Нетленною гармонией твоей,
 И дух твой незабвенный воплощался
 В деяниях и помыслах людей.

СТИХА ЖЕМЧУЖНАЯ НИТЬ

Марьям Льяновой

Нитью жемчужной вьется
 Мысль твоего стиха,
 Раненой птицей бьется
 В ней поэта душа;

В скорбный наш день вчерашний
 Строфа открывает дверь:
 Там отзвук стонущей башни
 И невозвратных потерь...

Болью и холодом дышит
 Бишкекская колыбель;
 Над могилой матери свищет
 Страданий твоих метель.

Но череда испытаний
 Не омрачит судьбу,
 Плоды благотворных деяний
 Твоих рассекают тьму;

Вехи, явленья, мгновенья
 В стихотвореньях живут...
 Высшее измеренье –
 Твой вдохновенный труд!

Звуками грустного блюза
 Льются строка за строкой,
 Выстраданная муза
 Светлый несет покой.

ХРАМ ПАМЯТИ ДУХОВНОЙ ВОЗВЕЛИ...

Библиотекарям Ингушетии

Вас «Пчелками» с любовью нарекли
 За кропотливый труд, несущий благо;
 Храм памяти духовной возвели
 Вы, оказавшись в самой гуще мрака.

Библиотекой величают храм,
 Где волшебством пронизано пространство;
 На языке немом вещают там
 Все фолианты с редким постоянством.

Немудрено их таинства открыть,
 Проникнуть в дух и суть произведений,
 Лишь нужно для прочтения раскрыть
 Сокровищницу мыслей и воззрений.

И откровенье воцарится вдруг,
 С читателем заговорят страницы,
 Где автор и его героев круг
 Начнут дарить оживших душ частицы.

Невольно увлечет обитель муз:
 Застывшее в строках воображенье
 Заворожит, как зазвучавший блюз,
 Вновь приведет все образы в движенье,
 И в неразрывный воплотит союз
 Читателя и автора общенье.

Слиянью тех способствуете уз
 Вы, следуя высокому призванью;
 К познанию прививая тонкий вкус,
 Границы расширяете сознания.

Культуру повышая чтенья книг,
 Читателей вводя в литературу,

Гармонии им предъявляя лик,
Развить стремитесь общую культуру.

Ведь книга может мир преобразить!
Она чистейшей сущностью зовется
Души ее писавшего, что вьется
И с книгой вместе вечно будет жить...
Все исчезает, книга остаётся.

Но сколько тягот вы перенесли,
Чтоб сохранить бессмертные творенья?
Вы в лихолетье книжный фонд спасли,
В условиях тотального крушенья!

Пробившийся из глубины веков
Источник знаний обществу явили;
Важнейшую – из нравственных основ
Мирского бытия вы заложили.

Бесценный кладезь стали открывать,
Структур различных привлекая звенья,
Дискуссии стараясь развивать,
Совместно практикуя обсужденья;
Сумели вы в короткий срок создать
Единое пространство просвещенья.

Новаций ваши методы полны
И оптимальны способы решений;
В них органично вплетены плоды
Предшествовавших ценностных свершений.

Воссоздаете по крупичам вы
Наследие мыслителей ингушских,
Утраченное вследствие войны
Иль прочих испытаний жизни жутких.

И будущность родного языка
Всегда была тревожившей вас темой;

Являлась ведь она во все века
Народов малочисленных проблемой.

Вы к зову обращаете корней
Посредством строк, эпохой золоченных,
Различные сообщества людей,
Их с помощью писателей, ученых

Взывая к воплощению идей,
Чтобы не стал одним из обреченных
Язык великий древних ингушей,
И – не узнал народ посылов чёрных.

Деяний светлых ваш исполнен путь
И зрится в них особое усердьё;
Гуманную вы обнажили суть,
Проекты воплощая милосердьё.

Исходите безмерной добротой,
Естественным для ваших лиц свеченьем;
Вы – те, кто мир спасает красотой,
Сердца людские взяв на попеченье.

И справедливо Рерих называл
Вас вестниками Красоты и Знаний,
С ним согласится каждый, кто познал
Всю глубину и истинность признаний!

На страже человеческой души,
Как ангелы-хранители стоите!
И в сфере просветления вершин
Достичь стараясь, чудеса творите.

Неотразимый излучая свет,
Похожий на сияние Эдема,
Республике родной неся расцвет,
Живёт библиотечная система.

Надирсолта ЭЛЬСУНКАЕВ

Иначе зачем зажигаются эти звезды...

/Из цикла «Сказки старого Абати»/

Утром третьего дня моего пребывания в СИЗО я проснулся от окрика охранника в окошко двери:

– Через полчаса с вещами к следователю!

Никаких вещей у меня с собою не было. Даже расчески, чтобы привести в порядок свои волосы. Мунта протянул свою.

– Для твоих волос нужны грабли. Расчешись. Ты на свободу выходишь.

– С чего ты взял? – спросил я, не скрывая своего удивления.

– Не первый же раз сижу тут, – ответил Мунта.

– Может, переводят в другую камеру?

– Куда дальше? Наша хата для особо опасных.

– Это я опасный?

– Ты нет, это мы опасные! Сюда тебя кинули, чтобы мы тебя сломали одним своим видом и ты стал как глина перед операми. Дело, которое завели на тебя, пустячное. За это срок не дают. Но если верить слухам, ты дерзко вел себя с прокурором. А такие вещи он не прощает. Поэтому тебя в первую ночь кинули к наркоманам. Им за драку с тобой – «гильзу» (папироса с анашой), тебе же конкретно уголовка за хулиганство. А дальше можно накинуть пару «висяков», типа кражи. Но номер не прошел. Для наркоманов ты оказался в доску свой.

– Муссолини и Джимми я видел впервые. С Пичи знаком давно.

– Э, мой брат. Кто тебя не знает? Я был в прошлом году на вашем концерте в Зами-Юрте,

когда вы спели пацанам «Кара-Кум»! Там же были все наркоманы с окрест. Я видел, как они вошли в раж при этой песне.

– Помню этот вечер. А на второй день директорша клуба жаловалась моему отцу на разбитые кресла. Но что их так завело? Где «Кара-Кум» и где анаша?

– О караванных путях из Афгана пацаны знают лучше любого учителя географии. Они переваливают Гиндукуш через Хайбер и дальше через пески Кара-Кума выходят на казахские степи. Для них это – «дорога жизни».

– Теперь понятно...

– Поэтому и перевели тебя сюда к нам, чтобы тебя тут сломали.

– А почему меня отпускают?

– Ты же не детдомовский. Есть кому за тебя заступиться. Это я надоел своим и поэтому гадаю, с какой ноги встанут прокурор и судья.

...Был полдень, когда я добрался к дому старика.

– Абати! – окликнул я его перед калиткой.

Никто не ответил.

– Абати! – крикнул я снова.

Я вошел во двор. Зашел в дом. Он был пуст. Заглянул в сад. Старика не было и здесь. С яблони, к которой Абати привязывал своего любимчика, годовалого бычка Дунгу, свисала на землю толстая веревка. Самого Дунги не было ни в саду, ни во дворе. Удивившись небрежно-

сти Абати, я приподнял с земли конец веревки и закинул на ветку.

– Вернулся? – раздался сзади голос старика.

Я обернулся. Заметив удивление на моем лице, Абати остановился в двух шагах от меня.

– Вернулся, – ответил я и указал открытой ладонью на веревку. – А где наш Дунга?

– Я очень рад твоему возвращению домой.

– Не меньше тебя, Абати. Ты лучше скажи, где наш бычок? Ты его выгнал пастись?

– Да. Подумал, что пора его выпускать на волю.

– Так этот дурак никогда не выходил за нашу калитку. Как ты мог? Он же не найдет дорогу обратно. В какую сторону ты его отогнал?

– Не знаю. Просто вывел его за ограду.

Я зашагал в сторону калитки.

– Ты куда? – насторожился старик.

– Как куда? Пойду искать.

– Стой.

Я обернулся.

Абати тяжело вдохнул и выдавил из себя через силу:

– Я его продал.

– Зачем?

– Резать на мясо было жалко.

– А зачем тебе нужны были деньги?

– Ты представляешь, и в советских законах можно найти строку, которая разрешает хоронить на кладбище собаку.

– Ты это к чему, Абати?

– Я же сказал Элисе, что ты поехал в гости к Мураду на несколько дней. С каким лицом я предстал бы перед ней, если бы ты задержался в тюрьме?

– Так, значит, меня отпустили не просто так. Значит, ты дал взятку прокурору? Выкупил меня как корову Туси из колхозного загона!

Абати затих. На него было тяжело смотреть.

– И сколько же ты ему дал?

– Двести пятьдесят рублей.

– Он взял?

– Конечно, ему этого было мало. Просил две тысячи рублей.

– А ты торговался?

– Нет. Положил перед ним ровно двести пятьдесят рублей и сказал, что у меня больше нет. Добавил еще, что если узнает твой отец, то он не получит ни копейки.

– Да, – согласился я. – Отец отказался бы, даже если меня бы расстреливали.

– Видишь, у меня не было другого выхода! Не мог же я допустить, чтобы тебя посадили в тюрьму.

– Абати, лучше бы мне сидеть в тюрьме, чем такой позор. Ты меня оценил в восемь раз дешевле, чем прокурор! Над нами же все смеяться будут. А мне это надо?

– Об этом я даже и не подумал.

– Меня оценили в паршивого годовалого теленка!

Абати обиделся:

– Это я его купил за двести пятьдесят рублей. А тебя не продал бы, даже если мне предложили все золото мира.

В голосе Абати чувствовалась неподдельная искренность. Меня это растрогало:

– Ну, отсидел бы свои два года и не пропал бы. Сам же мне говорил про Ленина. Отсидел в тюрьме, а потом стал царем.

– Не надо, как Ленин, – ответил старик серьезно. – Хоть он и стал царем, а труп его земля не принимает, как Пирауна (фараон).

– Ты нашего Ленина не трогай. Услышит кто-нибудь, меня ни за какие деньги потом не выкупишь. А по политической статье я сидеть

не хочу. Туда лучше идти за грабеж или драку.

– Окаянный он, твой Ленин, – сказал старик, – не принимает его земля.

Конечно, историю КПСС я знал лучше Абати, но спорить с ним о вожде мирового пролетариата не было смысла. Он жил в его времена.

– Кому ты его продал?

– Успе.

– Какому Успе?

– Мяснику.

– Моему дяде Вашали?

– Твоему дяде.

– За сколько?

– За те же двести пятьдесят рублей. Он больше не дал. Ты же знаешь своего дядю.

– Целого быка по цене козы?

– Минуту назад это был всего лишь теленок.

– Когда ты его продал?

– В тот же вечер, когда вернулся домой без тебя.

– Он уже зарезал его!

– Твой дядя не дурак. Откормит его еще год и потом продаст с большой выгодой для себя.

– А если этого бычка на мясо пустить, сколько можно выручить?

– Даже если продать по четыре рубля за кило, не меньше четыреста рублей.

– Так ты думаешь, что он будет ждать год, если ему сразу светит сто пятьдесят рублей прибыли? Я своего дядю знаю очень хорошо.

– Что сейчас горевать. Ты дома. Теперь я могу спокойно предстать перед твоими родителями.

– Хорошо, Абати. Я пойду домой. Покажусь матери и вернусь.

– Иди, – сказал Абати. – Я был вчера у вас и почувствовал, что она подозревает недоброе. Успокой ее. Ты был не прав, что сначала не по-видался с ней.

– Я вернулся домой обратно по той дороге, по который ты меня повел к прокурору. А она на обратном пути оказалась гораздо короче. Ведь я не завернул к роднику Насухи.

– Ты выбрал дорогу, по которой шел праведник, но запомни навсегда – дороги праведников начинаются с матери.

Абати вышел провожать меня до калитки.

– Не говори, что был в тюрьме. Я солгал ей, как ты меня просил. И знаешь, не такое уж и грешное дело, если ты это сделал ради такой матери.

– Если только не спросит, как ты меня этому учишь.

Абати улыбнулся.

– Учю себе на горе.

Я посмотрел на солнце. Оно перевалило зенит и начало сползать к закату. Потом посмотрел на старика.

– Я вернусь, а ты свари гурму. Эта «казенная баланда» меня чуть не вывернула наизнанку.

– Не знаю, что такое твое баланд-маланд, но твою любимую гурму сварю.

– Казенная баланда – это тюремная еда. Такая безвкусная вещь, что собаки не будут кушать.

– Посмотри на него. Заскочил на два дня в милицию и уже перешёл на язык жуликов, – улыбнулся Абати. – Когда ждать?

– Как только закончу одно дело!

– Гурму надо есть свежей.

– Гурма, Абати, как русский борщ, хороша после второго разогрева.

Старик молча согласился. Его лицо продолжало светиться. Видя, как распрямилась его спина, я понял, что с его сердца упала ноша с целую гору...

– Здравствуй, нана. Я вернулся.

Мать сидела на пороге, подкармливая цыплят замесом из кукурузной муки. Я присел рядом. Взял в руки одно из этих маленьких пушистых существ и поднес к своим губам.

– Здравствуй, сын. Осторожнее с ним. Он еще слаб и может заболеть от твоего дыхания.

Я отпустил цыпленка.

– Чем ты опечалена? Ты обиделась на меня, что не был дома три дня?

– Абати же мне сказал, что тебя не будет несколько дней.

– Нана, мне нужно срочно двести пятьдесят рублей.

– Зачем? Что ты собираешься делать?

– Не спрашивай меня. Надо. Очень.

– Ты куда-то собираешься?

– Да.

– Это из-за Зезаг? – с еле уловимой тревогой спросила мать. Это меня насторожило. Я знал, как она умеет скрывать свои чувства.

– А что случилось?

– Ты не знал?

– Что я должен был знать? Меня же не было три дня дома.

– Она вышла замуж. Ее похитили, когда она шла за водой к роднику.

– Кто?

– Сергей, сын Мусы.

– Так похитили или вышла замуж?

– Никто из родственников потом не поехал за ней.

– Вышла, так вышла. Не велика беда. Случаются посерьезнее вещи. Дай мне двести пятьдесят рублей...

...Солнце уже коснулось краешком хребта, когда я завернул на улицу, где жил мой дядя Успа, которого я с любовью называл Вашали.

Ему это нравилось. Услышав шагов за десять до калитки его громкий голос, я обрадовался. Он был дома, но, судя по обрывкам фраз, выходило, что дома у него в очередной раз разворачиваются настоящие шекспировские страсти. Дядя Успа, конечно, не знал о существовании великого английского драматурга, но в Дездемону Ирины Скобцевой был тайно влюблен. Однажды с отцом он просмотрел от безделья фильм Бондарчука «Отелло», а потом легко стал узнавать актрису в других фильмах, которые был вынужден смотреть из-за моего отца. Разумеется, история бедной венецианки, тайно вышедшей замуж за сарацина, его трогала больше, чем история немолодой давно миссис Ларк из «Мэри Поппинс, до свидания!» Никакой грим не мог скрыть от зоркого глаза моего дяди женские 55 лет.

Брак Дездемоны с Отелло Вашали не одобрял и с пониманием относился к коварству Яго. А Дездемону жалел.

– Вот что бывает, если выходят замуж за соплика и слюнтя! – восклицал он каждый раз, когда удавалось посмотреть фильм Юткевича.

Гамлет Вашали был совсем не интересен, как и другие киношные герои Шекспира. Фотографию же Скобцевой в молодости, висевшую на стене моей комнаты, обязательно навещал каждый раз. Для него она значила не меньше «Джоконды» для посетителей Лувра...

– Клянусь Кораном, ниспосланным Богом с неба, – донесся из распахнутого настежь окна голос дяди, – ты видишь не мой труп в этот день, а бегущие глаза бессовестных и бесстыдных женщин, которые между плачем будут искать, над чем потом посмеяться!

– Никто не знает, кто из нас раньше умрет! Может я, – возразила тетя Езира мужу. – И

что про тебя скажут? Что извел меня, бедную, в могилу. Всю жизнь не имела больше одного платья и даже своего стула, на который можно было бы присесть. Ведь скажут же?

– Скажут! Они же люди! Что можно еще от них услышать, кроме яда сплетен?! – продолжил истерику дядя.

– Я же не упрекаю тебя, что не видела даже маленького куска ни свежего, ни вяленого мяса, прожив столько лет в доме мясника!

– Езира, гори вы все в аду синим пламенем! Вас, женщин, в этот день интересует, кто во что одет, что висит на стене и лежит на полу, и нет ни грамма внимания к покойнику.

– Не ради же себя я тебя попросила, – заметила Езира.

– Ради кого же тогда? Мне, лично, нет разницы, где меня будут поминать – в доме или на улице.

– А если будет дождь?

– Да хоть камни с неба!

– Люди скажут, что в нашем доме не было ни стула, чтобы присесть, – настаивала на своем Езира.

– Не люди скажут, а женщины, забывшие Бога! А ты же живешь у меня как княгиня!

– Да, как княгиня, у которой в доме нет даже табуретки!

Голос Вашали, державшийся до последней реплики на уровне третьей октавы, резко поднялся на пятую. Было ясно, что скандал между дядей и тетей начался не позже обеда и достиг к моему приходу кульминации. Появиться в этот момент перед ним для меня было бы верхом безрассудства. Гнев Вашали обрушился бы на меня. Поэтому я остановился у калитки в ожидании, когда Вашали примет неоднозначное решение, требующее, соглас-

но нормам шариата и адатов, присутствия свидетеля. Им быть я не хотел ни при каких обстоятельствах. Я любил Вашали, но Езира была для меня дороже. Она была единственным человеком на земле, кто мог укротить на время безразмерный нрав моего дяди.

Мое предчувствие меня не обмануло.

– Езира! – воскликнул Вашали на гребне своего гнева. – Решительно и бесповоротно я даю тебе развод!

Наступила тишина. Я стал ждать, кто из них заговорит первым. К моему счастью, тишину нарушил все тот же спокойный голос тети:

– Успа, может быть, ты поспешил?

– Не перечь мне! – заявил дядя, возвращаясь на третью октаву.

Это заметил не только я, но и Езира.

– Успа, – сказала она ровным голосом. – Успокойся. Я ничего не слышала.

– Езира!

Наступила тишина.

– Ты меня выгоняешь?

– Решительно и бесповоротно!

– Скоро стемнеет, а дорога к дому отца далека.

Может, я подожду до утра?

– Забери все, что хочешь, и немедленно покинь мой дом!

– Что я могу взять в доме, где не было даже двух чайных ложек?

В доме опять повисла тишина.

Через минуту на пороге появилась Езира с узелком в руке. Судя по всему, внутри него могла быть всего лишь пара чулков.

Я зашел во двор. Увидев меня, Езира поторопилась навстречу, поправляя свой платок:

– Приходи с миром, сын!

Мы обнялись.

– Что здесь происходит, тетя?

– То, что вы все видите всегда! Твой дядя меня выгоняет.

– Из-за чего скандал? – спросил я.

– Послушай меня внимательно, наш сын, – ответила Езира. – Скажешь потом, кто из нас прав. Мы уже старые. Детей поженили, каждому построили дом. Но сейчас ведь можно подумать и о себе. Я всего лишь намекнула, что пора бы и нам привести свой двор в порядок. Никто не знает, что с нами будет, кто до утра доживет. Я попросила его построить навес во дворе, купить что-то в дом. Мне уже стыдно, прожив здесь столько лет, бегать к соседям за посудой, когда приходят гости больше трех человек.

– С кем ты там разговариваешь? – оборвал ее дядя.

– Это я, Вашали! – крикнул я в окно.

Вашали промолчал в ответ.

– Вашали, тебе не надоело? – спросил я.

– Что мне должно надоест? – откликнулся дядя.

– Разводиться каждый месяц по девять раз. Ты ведь завтра же прибежишь к моему отцу с просьбой вернуть Езире домой.

– Теперь это навсегда! Решительно и бесповоротно! Чтобы я лишился Бога и этого мира, если это не так!

– Видишь, хоть он прогонял меня тысячу раз, но такое он говорит мне впервые. Значит, с ним что-то случилось, – заключила для себя Езира.

– Это он смотрел кино вместе с отцом недавно у нас в клубе. Там Сталин говорил такие слова, – успокоил я ее.

– Будь он проклят, этот Сталин! Даже мертвым не оставляет меня в покое. Молодости лишил в свое время, отправив в Сибирь. Теперь еще и старость губит, – тетя Езира подошла к окну. – Значит, ты решил от меня избавиться?

– спросила она Вашали. В ее голосе почувствовался арктический холод. От былой покорности тети не осталось и следа.

Вашали подозрительно затих.

Езира, не дождавшись ответа, повернулась ко мне.

– Кант, я сварила суп. Поужинайте вместе. А завтра что-нибудь придумайте сами. Можно будет пожарить яичницу. Яйца найдете в подвале на второй полке. Хлеб я не успела испечь сегодня. Купите в магазине. У Махмуда в магазине лучше купить черный хлеб за шестнадцать копеек. Если захотите белый, то лучше купить его в магазине Абу. Он стоит двадцать копеек.

– Езира, – без прежнего гнева сказал дядя. – Ты же сама знаешь, что ты не права!

В голосе Вашали не было прежнего напора. Вулкан, который, судя по спокойствию моей тети, разбудила именно она, медленно стихал.

– Знаю!

– Так почему же ты на ровном месте устроила этот скандал? Всего лишь два слова: «Я виновата» – и я не вышел бы из себя.

– Вернись в себя обратно, я виновата.

В молчании дяди чувствовалась гордость победителя.

– Я виновна в том, что сорок лет назад не послушалась родную мать и вышла за тебя замуж, – вздохнула с тяжелой горечью Езира и молча прошла мимо меня к калитке. – Прости нас, – сказала она мне, прощаясь и, заперев за собой калитку, не оглядываясь, зашагала прочь...

Мы остались с Вашали одни.

– Что собираешься дальше делать? – спросил я его. – Жениться на новой?

На его лице читались все признаки глубокого сожаления.

– Какое дело привело тебя ко мне?

– Ты купил у Абати бычка, хочу его вернуть обратно.

– Зачем тебе это надо?

– Для одного дела.

– Ты опоздал. Я его уже продал.

– Быстро же ты успел. Кому ты его продал?

– Тебе какое дело? Продал и все!

– Скажи, кому?

– Был у меня один из Ишхоя.

– Как его зовут?

– Что ты ко мне пристал? Не видишь, что творится в моем доме? Лезешь с пустяками.

– А что у тебя такое творится?

– Как, что? Езира ушла!

– Нет, Вашали, она не сама ушла. Ты ее выгнал. Решительно и бесповоротно. Теперь она не вернется обратно ни за что. Именно из-за этих двух слов! Не надо было тебе говорить их. Не мог дотерпеть каких-то два-три года?

– Это все твой отец. Разве у него хорошему научишься? – вздохнул тяжело дядя и замолчал. Молчание было недолгим: – О каких двух годах ты говоришь? – спросил он с подозрительным взглядом.

– Что осталось тебе жить.

Густые брови Вашали вытянулись в полукруг.

– Ты слишком нервный, Вашали. А с такими всегда случается инсульт.

Брови Вашали вернулись на место:

– Я и тебя переживу. Чем я слабее твоего Абати?

– Не переживешь. Еще один такой скандал, и свалишься.

– Не свалюсь. Езиры больше не будет в моем доме.

– А кто будет? Дездемона?

– А почему бы и нет!

– Но она же христианка!

– Зато три раза в день буду есть горячую пищу!

Сказать, что в свои семьдесят лет Вашали потерял суровую красоту своей молодости, было нельзя. Если одеть в новый костюм, вставить зубные протезы и накинуть на голову шляпу, он со своим бронзовым отливом кожи и римским носом был бы не менее привлекательным, чем Отелло. А если еще и выкопать трехлитровую стеклянную банку с деньгами, которую он тайно спрятал в саду, у поклонников знаменитой актрисы не было бы никаких шансов. Даже у ее законного мужа. Но для Вашали Дездемона была всего лишь мечтой.

– Да. Это точно. Три раза. Плюс еще дача в Крыму и твои деньги. И когда они кончатся, а кончатся они быстро, будешь ходить по миру, как иссохший кусок дерева, пока не свалишься. Вот тогда ты не будешь нужен никому, кроме Езиры. Будешь тосковать по своей королеве в собственной вонючке, пока не сдохнешь от голода и жажды.

– Йа Аллах! И со мной так разговаривает мой племянник! Уйди с моих глаз!

– Уйду, если скажешь, кому продал бычка.

– Уйди, сказал тебе! Вместо того, чтобы утешить меня, ты тут про какого-то бычка...

Я пошел к выходу. Крик Вашали догнал меня у самой калитки. Я обернулся. Мой любимый дядя сидел на пороге.

– Ты куда? – спросил он с нескрываемой грустью в голосе.

– В Ишхой-Юрт. Буду обходить каждый двор, пока не найду.

То ли от тоски, то ли услышав мой голос, из хлева неожиданно раздался знакомый мык.

– Дунга! – крикнул я в сторону хлева. В ответ раздался уже не мык, а настоящий вопль.

Сомнений не было. Это был крик о помощи моего друга.

– Вашали! Зачем ты меня обманул?

Дядя без грусти и тени стыда ответил:

– Я уже обговорил покупку с ишхойцем.

Утром он должен забрать его.

– Я его заберу.

– Я заплатил за него большие деньги.

– Я принес тебе твои двести пятьдесят рублей.

– Я продал его за четыреста рублей.

– Но ты же купил у Абати всего за двести пятьдесят рублей. Он что, за два дня так растолстел?

– Запомни, племянник. Одно дело иметь товар, другое – продать.

– Я дам тебе пятьсот, чтобы поставить точку.

– Ты же принес только двести пятьдесят?

– Остальные принесу потом.

– Когда принесешь?

– Если успею, завтра. Если нет, то послезавтра.

– Ишхоец будет утром.

– Тогда я сейчас отдам и вторую часть!

– Где возьмешь?

– У тебя одолжу!

Вашали внимательно посмотрел на меня:

– И в кого же ты пошел? Ни грамм не похож на своих.

– Мама говорит, что весь в тебя пошел.

Мою мать Вашали любил, как родную сестру.

– Ладно, скажи мне, зачем тебе этот бычок?

– Нужен он мне.

– В вашем роду никому дела нет до скотины. А тебе тем более. Значит, случилось что-то серьезное. Рассказывай все, как есть, своему Вашали.

Я рассказал. Начиная с моста, с которого свалилась Хола, и кончая сегодняшним разговором с Абати.

Вашали зашел в дом.

– Почему ты это не рассказал мне сразу и заставил торговаться с племянником, когда он попал в беду! Какой же позор на мою голову!

– Так ты мне не давал рот открыть.

– Заткнись. Твой рот не закрывался с тех пор, как ты зашел во двор. Столько времени потеряли на пустяки, когда тут такое дело.

– Вашали, разве развод с Езирой пустяк?

– Конечно, пустяк, когда дело касается нашей чести. Как ты, вообще, осмелился сомневаться в этом? Неужели это говорит мой племянник?! Мы покажем этим безродным, кто мы такие. Езира пожалеет, что покинула этот дом, когда об этом услышит. Клянусь пророком Нохом!

Напомнить Вашали, что полчаса назад все происходило наоборот, я не решился. Молча протянул ему деньги.

– Тут ровно двести пятьдесят. Остальное я принесу потом. У матери не было больше.

– Счастливый ты. У тебя такая мать! А самому зарабатывать не время? У мужчины в твоём возрасте должны быть свои деньги.

– Так я же все матери отдаю.

– Счастливая у тебя мать. Верни ей деньги обратно. Мои мне никогда и трех копеек не принесли мне. И не принесут никогда.

– Нет, Вашали. Я верну Абати его бычка. Каждый платит за свою свободу сам!

– Вот что, – сказал Вашали. – Если Абати не пожалел ради тебя целого быка, неужели ты думаешь, что я не способен на большее?! Это не его племянника хотели посадить, а моего. Вернем Дунгу Абати и будем в расчете.

– Но тогда получится, что ты пострадал. На целых двести пятьдесят рублей!

– На четыреста, мой сын. На четыреста. Но ты не беспокойся. Мне их не жалко, когда стоит вопрос о нашей чести.

Это был тот Вашали, которого мы все любили больше всех. Несмотря на свой вздорный характер, он никогда не оставлял нас в беде.

– Своего Дунгу отведешь до рассвета, пока люди не выгонят скотину. Ваш бычок рос взаперти. Увидит телят, побежит за ними. Не говори никому ни слова. Мы пойдем в гости к Мутушу. А теперь иди спать. Я разбужу тебя перед утренней молитвой.

Гостиная в доме Вашали была очень большой, но без мебели. Большие войлочные ковры на полу, несколько подушек. Сколько раз отец упрекал его за это, но Вашали был непреклонен.

– Тот, кто устал, лучше отдохнет на войлоке. Не скрипит, не провалится, матрац не сползет. А то, что пол жестковат, так это так и надо. Кости встанут на место.

Я взял подушку и прилег в углу, подложив руки под голову. Представил себе, как удивится Абати, увидев своего бычка привязанным к яблони. Главное, успеть до того, как он проснется. Старик после утренней молитвы, пройдясь по двору и саду, всегда ложится снова спать, если нет какого-то серьезного дела.

Потом перед глазами появилась Зезаг, которую я теперь вынужден забыть навсегда. Вспомнил нашу последнюю встречу с ней в райцентре и ее удивленный взгляд, когда меня уводили в СИЗО. Вспомнил ее мать, как она затащила обратно в магазин дочь. Мелькнула догадка, что они приезжали за покупками для Зезаг перед ее замужеством...

Не спалось. Дышать было трудно. Щемило сердце. Вышел во двор. Заглянул в хлев. Дунга тоже не спал, прилегший у самой калитки.

– Не спишь? – спросил я своего друга, облокотившись на ограду. – Ждешь, когда выпустят?

Дунга молча приподнял голову.

– Потерпи немного. Скоро мы отправимся домой к нашему старику.

Дунга поднялся на ноги и потянулся ко мне. Я погладил его по голове, подергал за рожок. Он и не думал сопротивляться.

– Знаешь, Дунга, Абати как-то проговорился матери, что подарит тебя мне, когда я женюсь. Повезло тебе, Дунга. Наша Зезаг вышла замуж. Будешь жить у Абати до самой своей старости.

Дунга нежно приложился слюнявой мордой к моей щеке. Я откинул голову в сторону.

– Успокойся, Дунда! Не оставлю тебя здесь.

Погладив снова своего друга по голове, я вернулся на порог и присел.

Была уже ночь. Огромный диск красновато-желтой луны медленно забирался на небо, поглощая свет тысяч слабых звезд. Долина Ясси погрузилась в тишину, сверкая безмолвными огнями электрических лампочек в окнах домов и фонарей на улицах сел, разбросанных по обоим берегам.

Я не заметил, как рядом присел Вашали.

– Не спится? – спросил он, присаживаясь рядом.

– Нет, не спится.

Вашали закрутил сигарку.

– Ты мне не все рассказал. Что же еще такое случилось, что подняло тебя с постели?

– Ничего. Просто сон потерял.

– Я знаю причину твоей тоски. Езира мне рассказала вчера обо всем. А женщины все знают.

Вашали зажег свою сигарку. Пустил большой клуб дыма. Табак был хорош. Горел так, что при каждой затяжке озарялось его лицо.

– Но ты не слишком уж и отчаивайся. Такой, как ты, без невесты не останется. Просто в следующий раз будь осторожен. Не открывай двери и окна своего сердца настежь. Женщины

– существа любопытные. Как только обоснуются в нем и почувствуют свою власть над тобой, начнут заглядывать в чужие сердца и жаждать того, чего нет в твоём. Прочерти в своём сердце, хотя бы в самом уголке, линию, которую она не должна перейти до самой твоей смерти, как бы ты ее ни любил. Оставь, пусть самую маленькую, но тайну для нее. Не давай ей перейти эту черту. Если наши прародители покинули Рай, созданный Богом, из-за женщины, что ей стоит разрушить мир, который ты будешь строить для нее в муках и лишениях?! И не думай, что это произойдет в один день. Это долгая история. Скажу тебе одно. Как только услышишь, что она начинает говорить про тебя каждому, кто приходит в твой дом, знай, что это началось. Ты перестал быть для нее единственным в ее мыслях. Ты отдал своей Зезаг сердце и душу без остатка и перестал быть для нее тайной. Вот почему она так легко отказалась от тебя. Ее просто поманила другая тайна.

Я промолчал в ответ. Хоть и могли мы с ним обсуждать все, что угодно, как настаивал на этом Вашали, я продолжал придерживаться границы дозволенного.

Спросил только:

– Жалеешь, что Езира ушла?

– Иногда нужно расходиться, чтобы узнать настоящую цену друг другу...

...Было уже светло, когда мы с Дунгой добрались домой к Абати. Привязав его к яблоне, я лег на нары и заснул. Проснулся от дикого рева. Это бычок, увидев Абати, заревел так, что разлетелись все птицы с деревьев.

– Дунга... – сказал удивленно Абати. – Кто тебя привел обратно? – заметив меня, старик помрачнел. – Успа отказался от покупки?

– Да, Абати.

– Сам за деньгами придет?

– Судя по его планам – да.

– Где теперь я достану деньги?

– Не думай об этом, Абати. Лучше посмотри на нашего Дунгу. Если бы ты видел, как он обрадовался, когда увидел меня!

– Как ты его привел домой?

– Очень просто. Дал ему початок кукурузы. Не смотри на меня так. Я что, изверг? Отламывал по кусочкам. А потом пошел вперед. Дунга побежал за мной. Вот так и добрались до тебя. Правда, когда стали подходить к дому, он полез вперед и стал бодать калитку. Еле-еле открыл.

– Йа Аллах, не знаю, радоваться мне или печалиться. С одной стороны, он дома. А без него дом мой и двор были бы пусты. Как будто продал родное дитя. С другой стороны, надо возвращать деньги Успе. А где мы их найдем? Пойдем продавать Дунгу на базар?

– Не твоя эта забота, Абати. Главное – мы с Дунгой дома. Все остальное – мелочи. Лучше дай мне поесть. Сто лет не ел.

Абати накрыл на стол и пошел в сад, чтобы дать мне спокойно покушать. Вернувшись, сел напротив.

– Ну, расскажи мне теперь, что ты видел в тюрьме?

– В тюрьму попадают после суда. А это был всего лишь СИЗО.

– Какая разница, как это называется, если тебя закрыли на замок?

– Меня отвели сначала в камеру, где сидели наркоманы. Оказывается, они меня знали. Но я в лицо знал только одного них – Пичи. Про двух остальных – Муссолини и Джимми – я просто слышал, что они парни с понятиями. Такими я их и увидел в камере. Весь день и вечер мы резались

в карты, а когда потушили свет, случилось самое интересное. Сначала приоткрылось окошко двери и что-то легкое упало на пол. Окошко тут же закрылось. Потом раздался тихий голос знакомого мне еще со школы Пичи, старшего по возрасту в этой компании. Подобрал с пола вскрытую пачку папирос «Беломор», он присел на свои нары.

– Караван прибыл, – сказал он полупшепотом своим друзьям.

Те не заставили себя упрашивать и тут же под-сели к нему. Вскоре в камере повис конопляный туман. Запах от папиросы был таким сильным, что прибежал охранник и открыл окно камеры:

– Ваш паровоз дымит слишком сильно!

Это возмутило моих друзей.

– Закрой обратно, – жалобно заскулил тот, кого звали Джимми. – Ты ломаешь нам весь кайф.

Милиционер тоже был не из слабых:

– Если закроете окно, то я заставлю вас пове-рнуть, что вашу мать зовут Паки. Кончайте свое дело быстро!

Кто такая Паки, Абати, я не понял, но на па-цанов это подействовало сильно.

– Я слышал, что Паки – это мать чертей, – за-метил с улыбкой Абати. – А почему этого парня зовут Джимми? Он не чеченец?

– Чеченец, Абати. Просто кто-то дал ему но-вое имя после одного индийского фильма.

– И он с этим согласился?

– Еще бы. Он и ходит, как Джимми, в белых штанах.

– Гиблое дело, – сказал Абати, покачивая головой. – Гиблое дело.

– Когда охранник ушел, стало совсем ве-село, – продолжил я. – Начался судорожный беспричинный смех всей компании. Почти полчаса, с редкими остановками. Потом насту-

пила тишина. Меня тянуло ко сну, но у моих ног присел Пичи и стал изливать мне свою душу. Он признался, что ему тягостна жизнь, и попросил меня спеть песню про караванщика Али. Длинная такая песня про караван, который идет через пески в Пакистан с грузом анаши. Я согласился, но с условием, что они подыграют мне на пальцах ритм. Все-таки жалко было ре-бят за их сломанные жизни. Когда моя песня дошла до того места, где подул ветер и утащил всю анашу в мешках, раздался первый всхлип.

– Алелай, что с караваном случилось! – это был Джимми. Я остановился. Раздался его вто-рой всхлип.

– Брат, не тормози! – попросил Пичи.

Я продолжил – о том, как от отчаяния кара-ванщик Али стал забивать папиросу песком. Выхлипы участились и вскоре перешли в рыда-ния. Я продолжал петь, пока Джимми, прервав свой горький плач, не оборвал меня:

– Мой брат, не рви мне душу! Сил нет боль-ше. Скажи правду, какая она ни есть. Караван доберется до Пакистана?

– Плачь, Джимми, плачь, – сказал Пичи, при-дав своему голосу скорбный тон. – Не держи в себе. Отпусти душу. Все они погибают в пути.

– И верблюды тоже? – спросил с тревогой Джимми.

– И верблюды тоже.

Рыдания Джимми возобновились.

– Ничего, брат, – включился неожиданно в разговор Муссолини. – Кто сказал, что жизнь – легкая прогулка? И среди нас бывают большие потери. Но ты не отчаивайся. Мы поставим памятник караванщику.

Рыдания Джимми резко прекратились.

– Ты это серьезно говоришь? – прерывистый голос Джимми был полон надежды.

– Где ты его поставишь? Везде Ленин стоит,
– сказал Пичи.

Это прозвучало для Джимми как приговор, но Муссолини, сохранивший большее количество извилин в мозгах, чем он, решил не отпускать мечту своего друга.

– В песках Каракума. Я уже знаю, как он будет выглядеть. Караванщик в узбекском халате и верблюд слева от него.

Почему двугорбый должен стоять слева от караванщика, Муссолини не объяснил.

– Боже, я улетаю! – воскликнул Джимми и сразу затих.

Ему действительно стало плохо.

Пичи вызвал на помощь охранника.

– Ну? – спросил тот шепотом, открыв форточку двери.

– Что – ну! – откликнулся Пичи, не вставая с нар, на которых умирал Джимми. – Он уже холодный.

– Вы с ума сошли! Кто вас просил его убивать?

Охранник вбежал в камеру. Включил свет. Увидев меня, удивленно спросил Пичи:

– Он же в порядке. А кто же тут коченеет? – потом наклонился к затихшему Джимми. – Это он его сделал? – кивнул в мою сторону охранник.

– Нет, – ответил Пичи. – Передозировка. Твой караван оказался тяжелым для этого чистосердечного парня.

– Брат, как рано же тебе приходится покидать нас! – воскликнул с искренней и торжественной печалью в голосе Муссолини.

Охранник побежал вызывать «скорую». Она приехала быстро. Увидев входящих в камеру людей в белых халатах, Муссолини юркнул на свои нары и притих, натянув на голову одеяло.

На другом конце из-под одеяла торчали его голые пятки в резиновых шлепанцах. Врач «скорой», пощупав пульс Джимми, равнодушно подсказал санитарам:

– В морг его.

Санитары, не особо церемонясь, закинули несчастного на носилки и пошли к выходу. Пичи проводил друга до дверей.

...На второй день меня перевели в другую камеру.

Там тоже было три человека. Двое сидели за столом и пили чай, третий лежал на нарах. Одного я узнал. Моего возраста, Мунта из Ножай-Юрта. Остальных видел впервые. Один был лет сорока пяти, высокого роста, с резкими чертами лица. Звали его Гани. Другого – Ганта. Шупленький такой старичок лет семидесяти на вид.

Поздоровавшись со всеми, я прилег на свободную койку, подложив ладони под голову.

– Парень, видно, без настроения, – сказал Мунта, давая понять своим сокамерникам, что знаком со мной.

– Неправильный заход, – подчеркнул Ганта сиплым голосом.

Я промолчал в ответ. Не было никакого желания разговаривать.

– Если не собираешься просверлить дырку в потолке, иди к нам. Поешь. Судя по твоему унылому лицу, ты давно не кушал, – пошутил Мунта, приглашая меня к столу.

Я отказался. Хоть и не ел со вчерашнего дня, но чувства голода не испытывал.

Поев, Мунта присел на койку напротив меня.

– Какая статья?

– Сто девяносто вторая.

– Редкая статья, – заметил Ганта все тем же сиплым голосом. – Неоказание помощи челове-

ку, находящемуся в опасности. С этой статьей на зоне у тебя не будет никакого авторитета.

– Откуда ты знаешь? – удивился я. – Прокурор, который обязан знать, и то долго смотрел в Уголовный кодекс.

– Ганта у нас все знает, – сказал Мунта.

– Посидишь в тюрьме свои два года, тоже будешь знать, – добавил старичок.

– Который час? – спросил я Мунту.

– Скоро пять.

Я подошел к двери. Стукнул пару раз кулаком по окошку.

– Что надо? – спросил дежурный охранник.

– Мне надо подготовиться к намазу.

– Не положено, – сухо ответил он и закрыл окошко.

Я снова стукнул кулаком по двери.

– Что ты распоясался? Позову сейчас наряд, – пригрозил охранник.

– Если выверну ему рожу, какая будет у меня статья? – спросил я старого Ганту.

– Не знаю, какая именно, но авторитет у тебя на зоне будет непререкаемый.

Дежурный открыл дверь камеры настежь:

– А ты попробуй!

– Разойдитесь, – крикнул вполголоса лежавший на нарах Гани. – Некрасиво ведете себя при старших.

– Не вмешивайся, – сказал с ухмылкой Ганта. – Пусть наш новый отвечает за свой базар. Сначала неправильно зашел ко мне в хату, теперь еще и слова на ветер бросает.

– Зашел он как надо, – сухо отрезал Мунта.

Я вернулся на свое место.

Гани обратился к дежурному:

– Тебе не ясно, что юноша хочет помолиться?

– По инструкции не положено, – возразил тот.

– Если люди узнают, что ты не помог человеку

помолиться, позор падет на твоего отца. Что для тебя важнее, устав или отец?

– Ради тебя, Гани, – согласился милиционер.

– Ради меня не стоит. Кто я такой? Делай это ради Бога, – заметил Гани.

Дежурный вывел меня на задний двор. Вода из крана отдавала привкусом железа. Кровавого цвета галька под краном напомнила родник Насу-Хаджи. Я набрал в пригоршню воды и ополоснул ею лицо и шею. Почувствовал свежесть в глазах. Потом стал делать омовение.

– Послушай, – неожиданно окликнул меня охранник, – не обижайся на меня. Работа такая. Самому тошно от нее, будь она проклята.

– А кто тебя заставляет тут работать? – спросил я его с легким укором.

– Я от безысходности. Семья большая, а хорошей работы нет. Уехал бы на Север, но родители старые. Я младший в семье. Не бросишь же их.

– Ты что-то другое умеешь делать?

– Откуда? Провалил дурака в школе. В институт не поступил.

– Тогда понятно.

– Не дерзи здесь никому. Тебя специально будут провоцировать на драку. Остерегайся Ганты. Он – провокатор.

– Откуда ты знаешь?

– А кем я работаю?

Я улыбнулся.

– Чему ты улыбаешься? – спросил милиционер.

– Извини. Я не над тобой смеюсь. Просто вспомнил одного вора в законе. Так он говорил, что больше всех обо всем знают охранники в лагерях. Один вопрос. Почему ты сейчас заговорил со мной на нормальном языке?

– Я знаю тебя. Мы еще на свадьбе гуляли вместе в Замай-Юрте у Халида. Ты играл на гитаре.

– Там многие играли.

– Да, многие. Но «В Сержень-Юрте есть одна могила» каждый поет, а «Восточную песню» только ты и твои ребята. С удовольствием послушал бы еще раз.

– Так есть же Ободзинский. Его слушай.

– Есть у меня его пластинка. Но одно дело проигрыватель, другое – живой голос... Ганта специально возвращается на зону, потому что там ему больше лафа, чем на воле. Выколол глаза одному бедолаге у шашлычной и сразу пришел сюда.

– Как тебя зовут?

– Рахман.

– Откуда ты?

– Да местный я.

– За меня не беспокойся. Если что, я знаю, как прижать ему хвост.

– Все равно остерегайся. Потерпи до суда. А там адвокат спокойно «сломает» твоё дело. Если что, мы поможем. Пущу слух по селам. Тебя все знают. Найдем сто свидетелей, который в тот момент сидели неподалеку в кустах и видели, как та женщина умышленно раскачивала мост, а ты потом бросился ее спасать. Вспомнят, как она кричала тебе: «Не прикасайся!»

Я снова улыбнулся:

– Откуда ты все это знаешь?

– А разве твой друг, вор в законе, не говорил, что мы знаем все?! – улыбнулся в ответ милиционер.

– Спасибо, Рахман. Я тебя услышал.

Когда я вернулся в камеру, Гани предложил мне маленький коврик для молитвы. Помолвившись, прилег на нары.

– Кого же ты хотел утопить? Свою жену? – окликнул меня Ганта.

– Не женат, – ответил я.

– Тогда чужую?

Я промолчал.

– Э-э-э, парень люди не позволят топить своих жен.

– Никого я не собирался топить. Да и не тонул никто.

– Тогда почему ты здесь?

– У прокурора спроси, если тебя это так волнует.

– Дерзкий ты парень! Вот я знаю, почему я попал сюда.

– Хорошо тебе, если знаешь.

– Я месяц назад вышел из тюрьмы. Отсидел по последнему сроку семнадцать лет. Вернулся домой. Попробовал привыкнуть к новой жизни, но быстро понял, что жить на воле не по мне. Вот и решил вернуться туда, где я чувствую себя, как дома. А как вернуться? Билет же туда не купишь. Пришлось вот этими двумя пальцами выколоть глаза одному фраерку в Хасавюрте на мосту. А попал я в тюрьму в первый раз в тридцать четвертом году. Моего отца забрали в НКВД. Я тогда не понимал, за что. Это потом понял, что он был кулаком. У отца было две лошади, корова и с десяток баранов. Хоть и было это пятьдесят лет назад, но я помню все, как будто было вчера. Пришли активисты колхоза и вместе с ними на лошадях люди в военной форме. Не спрашивая никого, стали выводить со двора нашу живность. Отец не стал сопротивляться. Кто же захочет, чтобы его избили у себя во дворе на глазах жены и детей? Командир военных, как только увели скот, приказал отцу собраться в дорогу. Отец послушно переоделся в старую одежду. Хотя было очень холодно, но оставил дома свой тулуп. Я провожал отца до самого Герзеля. Там был сборный пункт, куда сгоняли с разных сел таких же, как мой отец. Потом их

распределили по машинам. Отец успел скинуть мне свою папаху. Машина уже отъехала от нас на десяток метров, как из круга увозимых раздался его крик:

– Береги мать!

Мы ждали возвращения отца. Но прошла неделя, месяц, потом год, но от отца не было никаких вестей. Тогда я пошел в районный НКВД. Сидел там молодой лейтенант. На лицо – красивый парень: высокий, стройный. С зачесанными назад волосами. Я спросил, где мой отец. Узнав, чей я сын, он зло выругался. Обозвав меня змеенышем, взял за шиворот и выбросил на улицу. Два года я охотился за ним, пока он не нарвался на мою засаду. Мой обидчик проезжал на лошади по узкой дороге между двумя скалами недалеко от Бета-Мохка, когда камень, который я сбросил на него сверху, проломил его башку. Я подумал, что он умер, и не стал его добивать. А он живучим оказался. Выжил, падла. А меня посадили на десять лет.

– А почему тебя не расстреляли? Ты же покушался на представителя власти с клеймом сына врага народа? – перебил я старика.

– Двадцать вторая статья тогда была в Уголовном Кодексе РСФСР. Не разрешала расстреливать беременных женщин и не достигших восемнадцати лет. А «расстрельная» для детей появилась через год, в тысяча девятсот тридцать пятом. В тюрьме меня поселили к политзаключенным. Жить среди них было невыносимо. Чокнутые какие-то. Жили по своим правилам. Одним словом, низший сорт на зоне. Их даже «шестерки» могли прибить. Когда блатные узнали, за что я сижу, то предложили перейти к ним. Мол, я со своей статьей не должен сидеть среди политзаключенных. А как это сделать? Ну вот, я и проколол глаза одному очкарику. Смешной

такой. Постоянно читал стихи против Сталина... На свободу я вышел в тысяча девятсот сорок девятом году. Меня направили в Караганду, где жили мои односельчане. Матери уже не было в живых. Оказывается, умерла еще по дороге при высылке. Что мне оставалось делать? Сдохнуть от голода или воровать? Я прибил к ворам. Взяли меня через год на вокзале с наганом. Дама оказалась крикливой, когда я на нее навел дуло. Убивать ее не стал. За мокруху дали бы расстрел. «Мусора» навалились так резко, что не успел выбросить даже часы этой стервы. Дали снова «десятку». Взяли-то с поличным.

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Чтобы ты знал правду. Мало ли что на меня могут наговорить.

– Честно говоря, мне дела нет до тебя, Ганта.

– Ты – новый. Ты даже правильно в хату не умеешь заходить. На зоне такое не прощают. А я – старый. Могу тебя этому научить. Вот Мунта уже знает, как держать «рамсы».

Я посмотрел на Мунту. Он молча улыбнулся. Я улыбнулся в ответ.

– Почему вы смеетесь? – спросил Ганта с легкой угрозой в голосе.

– А ты, оказывается, не всегда был такой сволочью, как сейчас, – ответил я за нас обоих.

Ганта вскочил на ноги. Сдернул до локтей рубашку, обнажая грудь с портретами Сталина и Ленина. Потом присел на нары и подтянул левую штанину, якобы почесать, а под ней татуировка с ножом в кандалах. Это меня позабавило, Абати. Он хотел тем самым напугать меня, но я-то умею читать жизнь воров и жуликов по наколкам на их теле. Та, что на ноге, говорила о том, что Ганта совершил преступление в тюрьме, а Ленина со Сталиным обычно рисуют склонные к побегу зеки. Это чтобы конвойные

или охранники не стреляли в них в случае побега или беспорядков на зоне. Кто же рискнет стрелять по Ленину и Сталину?

– Только дернись! – сказал я Ганте. – Не посмотрю, что ты мне в деды годишься.

Больше старичок ко мне не приставал в этот день.

Я не помню, как заснул в тот вечер. Проснулся поздно ночью от шепота Ганты.

– Его подослали к нам менты. Я таких чую за километр. Надо пустить его под пресс, чтобы утром попросился в другую камеру.

– Оставь его. Я свой срок получу и так. Мне он не мешает здесь.

Я понял, что речь идет обо мне.

– Ганта, даже и не думай.

Ганта не проронил больше ни слова.

Утром Ганту повели на допрос. Мунта с Гани сидели за столом,

– Не ссорься с Гантой. Человек он старый и хилый, не видел в этой жизни ничего хорошего, – сказал Гани, разрезая на ровные кусочки сушеную колбасу.

Я молча кивнул головой в знак согласия.

– А тебя что привело сюда, если не секрет? – спросил я.

– Убил молодого парня, – холодно ответил Гани.

– Нечаянно?

– Нет. Умышленно.

Я удивился. По его суровому, но благородному лицу нельзя было судить о нем, как о человеке, склонном к жестокости.

Гани понял мой взгляд. Отложив нож в сторону и, пододвинув ко мне колбасу и хлеб, пошел на свои нары.

– Поешь.

– Один не буду. Если только все вместе.

– Мы уже поели. Не захотели тебя будить.

Я не стал отнекиваться. Кисловатый запах колбасы вернул аппетит.

– Как это случилось, Гани?

– Сам до конца не понял. Я рубил дрова, когда услышал за спиной сдержанный голос моей дочери, подметавшей двор: «Иди своей дорогой. И не говори вещи, не достойные мужчины». – «Кто ты такая, чтобы знать, что достойно для мужчины, а что нет?» – раздался в ответ чей-то заносчивый голос. Я оглянулся и увидел за решетчатой оградой молодого человека. Я узнал его в лицо. Он был из соседнего села. Заметив меня, парень не только не зашагал прочь, но даже не изменился в лице. «Что тебе нужно?» – спросил я у него». – «Ничего». – «Что он тебе сказал?» – спросил я тогда дочь. Дочь промолчала в ответ. Я понял, что парень сказал что-то непристойное, раз дочь стыдится сказать это отцу. Я вернулся обратно к своим дровам, надеясь, что юноша уйдет. Но не успел взять снова в руки топор, как услышал голос юноши: «Что ты ставишь из себя?» Я оглянулся. Моя дочь с покрасневшим от стыда лицом, бросив веник на землю, забежала в дом. Юноша продолжал стоять на месте. «Зачем ты здесь стоишь? – сказал я ему, не повышая голос. – Я же дал тебе возможность выйти из этой ситуации без позора. Уходи!» – «Я не у тебя во дворе. И имею права стоять там, где хочу», – ответил он. «Иди домой и скажи своим родителям, что они тебя дурно воспитали», – попросил я его. «С какой стати? – ухмыльнулся юноша. – Ты лучше отвечай за своих детей». Мне не оставалось ничего другого, как зайти в дом за ружьем. Я еще надеялся, что парень уйдет, но он продолжал стоять на том же месте. Видимо, надеялся, что дочь снова выйдет

во двор, раз я зашел. Увидев меня с ружьем, парень с издевкой спросил меня: «Собираешься стрелять?» – «Если скажешь, что раскаялся, нет». Парень сунул руки в карманы: «Ты не мужчина, если не выстрелишь!» Я не стал даже целиться. Снес ему полголовы.

Я хотел прочитать, что у него в глазах, Абати. И ты знаешь, я увидел в них сомнения в себе, хотя внешне он казался спокойным и немного холодным.

– Ты сам явился с повинной? – спросил я его после недолгого молчания.

– Не сразу. Поздним вечером ко мне пришел участковый. Предупредил, что придут брать ранним утром. Но мне нужно было выиграть время, чтобы решить вопрос с кровниками. Иначе подумали бы, что я испугался их мести и хочу спрятаться в тюрьме. Я послал людей к отцу убитого мной и скрылся. Милиция пришла на второй день. Обыскав дом и не найдя меня, они вышли во двор. И тут одна из моих дочерей упрекнула участкового:

– Вчера ты пил чай с моим отцом, а сегодня пришел арестовывать его? Тебе не стыдно?

После этого я не имел права даже думать удариться в бега. Подождав, пока мне ответят кровники, я сам пришел в милицию сдаваться.

– А что решили твои кровники?

– Меня вызвали в шариатский суд. Рассказал, как все было. Конечно, были и те, которые хотели моей крови. Но их старший обратился к своим с короткой речью:

– Кому из вас понравилось бы, если вашу дочь оскорбили бы в вашем присутствии в вашем же дворе? Кто из вас не поступил бы так же, как Гани?

– Убили нашего человека. Люди будут смеяться над нами, если простим, – сказал отец убитого.

– Только те ублюдки, над чьими женщинами дозволено все, – отрезал сухо старший. – А лишать жизни мужчину, который выполнил долг отца, значит сказать людям, что нам безразлична честь наших дочерей. А тебе нужно было следить, в кого вырастает твой сын. Позор он навлек на весь наш род. Теперь все будут думать, что мы люди без стыда и совести.

После этих слов замолчал и отец.

И тогда старший, выждав долгую паузу, объявил свое решение:

– Гани, ты свободен от нашей крови. А с властью решишь сам.

Я уже выходил из комнаты, когда тот же старший окликнул меня.

– Гани, – сказал он. – Прости нас, если можешь. Из-за нашего ублюдка ломается твоя жизнь. Но я клянусь тебе, что как бы ни сложилась твоя судьба в лагерях, будь спокоен за своих дочерей и сына. Я не говорю, что твои люди бросят их на произвол, но сложилось все так, что и мы не можем стоять в стороне. Даю тебе слово, что они будут кушать то, что едят наши дети и надевать то, во что одеваются они. А ты, Сулейман, – обратился он к мулле, – объявишь всем, что с этой минуты и до возвращения Гани наш род встает рядом с семьей Гани. И горе тем, кто попытается это поставить под сомнение. Беру в свидетели Бога – мы не будем ждать и возьмем кровь любого, разрешает это шариат или нет.

На следующий день я пришел в милицию сам. Вот теперь жду, когда будет суд.

– Тебе дадут максимум пять лет, если докажешь суду, что совершил убийство в состоянии душевного волнения.

– Для меня даже год равносителен веку. У меня семь дочерей и сыну единственному всего лишь

месяц, но и это меня не заставит вилять хвостом перед судьей. Иначе кем я буду перед участковым и родственниками убитого? Я убил его осознанно. Я знал, что делаю!

– Гиблое дело, – сказал Абати. – Гиблое. Вот так из-за глупости одного сморчка страдает много людей.

– Абати, ты считаешь, что Гани поступил опрометчиво?

– Человек сам должен встать на его место и решить, прав был он или нет.

– Значит, ты сомневаешься?

– Нет на земле человека, кто выбрал бы без сомнений чашу весов для поступка Гани. Я не исключение. И не смотри на мои годы. Мудрость старца в его вечных сомнениях.

– А поступок юноши?

– Не задавай мне вопросов, на которые у тебя есть однозначный ответ.

– А Ганта?

– Ганта уже не человек, хотя его можно понять. Оказаться в возрасте мальчишки среди насильников и воров и сохранить свою душу в чистоте под силу редко кому. Все его несчастья оттого, что рядом не оказалось человека, кто говорил бы с ними на его родном языке. А когда ты забываешь язык матери, теряешь дух своего народа. А кто ты без него? Поваленное дерево, которое под конец превратится в трухлявую гниль.

Ганта остался бы в памяти народа героем, если бы был расстрелян и сгинул в лагерях непокорным или вернулся домой доживать век в кругу своих людей. Но судить о человеке нужно не по тому, как он громко начал жизнь, а как ее закончил. А конец его будет печален. Его заруют на чужбине, как дворовую собаку.

– Может быть, мы с тобой строги к нему, Абати?

– Я не судья ему. Я просто видел много людей с такой участью.

– Зато мне ты судья, Абати.

– И тебе тоже я не судья. Судить других, не зная, как бы ты сам поступил, очень тяжкий грех. Настолько, что Бог переводит грехи судимого на судящего. Так что не такой уж я и смелый человек, чтобы быть судьей кому-то... Ты останешься у меня?

– Нет, Абати. Я пойду. Посижу сегодня с матерью и отцом.

– Один вопрос: кого ты любишь больше, мать или отца?

– Нану, конечно, Абати.

– Значит, она для тебя главнее?

– Нет, Абати. Самый главный – отец.

– Я знал, что ты так ответишь. Дорожи каждой минутой их жизни. Придет время, и ты начнешь казнить себя каждый раз, когда почувствуешь себя сиротой, что не был для них прилежным сыном.

– Разве может человек, который кормит себя сам, быть сиротой?

– Может. Он сидит рядом с тобой.

Я встал из-за стола:

– Чай я попью дома.

Абати вышел провожать меня до калитки.

– Ты спрашивал меня про Гани. Так вот, он вернется в свою семью, сколько бы ни пришлось сидеть в тюрьме. Семья для него – смысл всей жизни. Он знает, что отвечает за них перед Богом и людьми. И потому останется в памяти людей настоящим кьонахом – мужчиной! Не важно, как ты начал свой путь. Важно, как закончил. Запомни это навсегда.

...Было за полночь, когда мы вошли во двор Мутуша.

– Что бы ни случилось, стой здесь и не вмешивайся. Ты мне нужен как свидетель. Я пристрелю Мутуша, если он будет отпираться, – сказал Вашали, открывая осторожно калитку из трухлявых реек. – Глазом не моргну. Если прибегут соседи, отвечай, что Успа пришел убивать свиней. Я не я, если полсела не сбежит из села.

Я молча кивнул головой.

Подойдя к окну, Вашали выстрелил. Раздался гром и грохот разбитого стекла. В ответ дикий крик Холы.

– Мутуш! – крикнул в окно мой дядя. – Выходи во двор!

– Зачем? – раздался испуганный голос Мутуша.

– Я пришел пристрелить тебя как собаку! Выходи!

– Не выйдет он! – сказала Хола.

Раздался второй выстрел в окно.

– Если выйдешь, убью только тебя одного. Если нет – пристрелю вместе с женой, – голос Вашали был полон жалости к бедной женщине.

– Что ты медлишь? Выходи быстрее! – сказала Хола мужу.

Мутуш выполз на порог и присел.

– Вставай! – крикнул Вашали. – Так я размозжу твою голову, и людей будет тошнить, когда будут собирать твои мозги.

Мутуш покорно встал. Даже с моего места было видно, как дрожат его колени.

– Завтра до обеда принесешь мне пятьсот рублей. И не вздумайте бежать из села. Я не я, если для вас не станет тесен этот мир! – сказал Вашали.

– Почему я должен дать тебе пятьсот ру-

блей? Я не занимал их у тебя! – попробовал возразить Мутуш.

Вашали согласился с ним:

– Точно, не занимал. Таким безродным я не дал бы и полкопейки.

– Тогда за что я должен платить такие деньги?

– Так ты еще и пререкаешься со мной? Хорошо! Я поднимаю твой долг до тысячи.

– Перестань шутить, Успа. Вечно у тебя такие необычные розыгрыши.

– Тысяча пятьсот!

– Хорошо, только объясни мне, почему я должен тебе?

– Мутуш, ты заслуживаешь смерти. Ты хотел посадить моего племянника в тюрьму. Неужели ты думал, что это останется без ответа?

– А причем тут тысяча пятьсот рублей?

– Неужели ты думаешь, что его отпустили бесплатно?

– Клянусь Богом, у меня нет таких денег!

– Совсем нет?

– Разве я жил бы в этой казённой лачуге, если были бы?

Вашали вскинул ружье.

– Оно не заряжено, – хотел я предупредить Вашали, но, вспомнив его приказ не вмешиваться, остановился. К тому же, незаряженное ружье гарантировало жизнь Мутушу. Каким бы мерзавцем он ни был, но смерти его я не хотел.

Как мы и предвидели, на выстрел и крики прибежал сосед Косум.

– Что тут происходит? – спросил он меня шепотом, увидев Вашали с ружьем.

– Ничего особенного. Успа пришел убивать свиней.

– Понял, – сказал Косум и, пятясь назад, скрылся в темноте.

– Ты что-нибудь слышал? Видел? – бросил я ему вслед.

– Не слышал, не видел, и, вообще, меня в эту ночь не было в селе! – донесся из темноты уверенный голос Косума.

Мутуш молил о пощаде. Его причитания на горькую и несчастную жизнь были так выразительны, что пробудили в каменном сердце Вашали сострадание.

– Если все, что ты говоришь – правда, то я не могу смотреть, как ты мучаешься и страдаешь в нищете, – сказал он с чувством. – Тебе лучше умереть! Я всажу в тебя сейчас две пули, и твоим мукам придет конец.

Вашали взвел оба курка. Мутуш схватился за сердце и свалился набок. Из окна раздался голос Холы:

– Мутуш. Отдай им пятьсот рублей, и пусть уходит.

– Тысяча пятьсот рублей! И немедленно!

– Но ты же пятьсот говорил?

Вашали повернулся ко мне.

– Ты говорил пятьсот. Врать не буду, – ответил я.

– Может, я все-таки его пристрелю? А то лет тридцать, как никого не трогал по-настоящему? – спросил он меня.

– Вашали, прости им ради меня!

Я уже начал думать, что развязка будет кровавой.

– Хорошо. Ради своего племянника, которого люблю больше жизни, я прощаю тебе, Мутуш пятьсот рублей.

– О Аллах, нет у меня тысячи рублей.

– Займешь!

– Кроме тебя, не у кого!

– Заткни свой рот! Таким, как ты, я не одалживаю!

Я все-таки решил вмешаться, несмотря на приказ дяди.

– Вашали, если ради меня ты скостил пятьсот рублей, скости оставшуюся часть ради Бога.

Вашали кинул на меня недовольный взгляд:

– Хорошо. Ради Аллаха снимаю с тебя еще пятьсот рублей. Неси быстро.

– Ты же сказал – завтра...

– Я передумал. Кто знает, что будет завтра?

Мутуш зашел в дом и вернулся с деньгами, завернутыми в носовой платок.

– Здесь пятьсот рублей. Держал их на случай своей смерти.

– Они пригодились бы для этого уже сегодня, если бы не мое мягкосердечие.

Мутуш протянул сверток Вашали.

– Считай! – приказал Вашали.

Мутуш отчитал двадцать двадцатипятирублевых бумажек. Протянул их Вашали.

– Ночь сейчас. Нельзя деньги передавать ночью из рук в руки. Положи их на камень.

Мутуш завернул деньги обратно в носовой платок. Положил туда, куда указал Успа.

Вашали развернул носовой платок и забрал деньги. Платок вернул Мутушу.

– Не нужен мне харам. И не думай завтра бежать к прокурору. Тогда никакие деньги вас не спасут.

Мы вышли со двора. Я оглянулся назад. На пороге сидел Мутуш и плакал.

– Он же не виноват. Это все его жена.

– Мужчина не должен держать в доме женщину, если не может отвечать за нее.

– Может, вернем им половину? Мы же заплатили всего двести пятьдесят рублей.

– Мой сын, мы пришли сюда не за деньгами. Мы пришли наказать людей за их под-

лость. Это люди без совести, и с ними другого разговора быть не может.

– Но ты же уходишь сейчас с деньгами?

– И в кого ты такой пошел? – спросил с раздражением дядя.

– Нана говорит, что я весь в тебя, – солгал я.

– Значит, вырастешь мужчиной! – заключил Вашали...

Я вернулся домой за полночь. На пороге дома сидела мать.

Я протянул ей двести пятьдесят рублей и присел рядом:

– Возьми. Они мне не понадобились.

– Может быть, расскажешь, что происходит?

– Все хорошо. Не волнуйся.

– Ты что-то задумал? Зачем тебе нужны были деньги? Это все из-за Зезаг? Забудь о ней. Она теперь чужая жена.

– Мама, все равно ты об этом узнала бы. Я не был в гостях у Мурада. Хола написала на меня донос. Заявила, что я вместе с Абати хотел ее утопить в реке. Прокурор меня задержал. Но Абати дал ему взятку и меня освободили.

– Я сердцем это почувствовала, когда Абати пришел к нам. Он все время пытался отвести глаза при разговоре.

– Я попросил его не говорить.

– Но я же чувствовала, что с тобой что-то случилось! Не спала все эти ночи. Попросила на второй же день утром твоего отца, чтобы он отправился за тобой к Мураду в Сесана. Но он и слушать не стал. Сказал, что тебе двадцать два года.

– Хорошо, что он не послушался тебя, а то такой переполох случился бы.

– Чем взрослее сыновья, тем меньше понимают сердца матерей. Наши души всегда с вами

рядом, как бы далеко вы ни находились. Поймешь это, когда меня не станет, и почувствуешь свое одиночество.

– Не надо, мама. Ты у меня будешь жить долго. Больше, чем Абати. Ведь нам, молодым, нужен не только Абати, но и нана.

– Абати дал прокурору двести пятьдесят рублей?

– Да, мама. Он продал своего бычка Вашали и поспешил к прокурору, чтобы освободить меня раньше, чем слух дойдет до тебя.

– Абати не взял эти деньги обратно? Завтра я отнесу ему сама. Поблагодарю его.

– Не надо, мама. Дунга на месте. Я сегодня утром привел его домой.

– Тогда отнеси деньги Вашали.

– Ты плохо думаешь о нем. Вашали вернул его мне без денег. Я же его любимый племянник.

– Тогда я сама отдам, когда он придет к нам.

– Не возьмет, нана. Скажи лучше – ты знала, что Зезаг встречается не только со мной?

– Ты сам это видел. Просто ты был слеп.

– Что тебе говорила мать Зезаг? Она же приходила к тебе?

– Она требовала, чтобы ты оставил в покое ее дочь. Я сказала, что ты даже в ее сторону не помотришь, если она отвечает за свою дочь.

– Ты правильно сказала. Не придет в наш дом никто без твоего одобрения.

– Если бы она тебя любила, она не послушалась бы свою мать. В землю легла бы.

– Любила, нана. Просто я ей был не нужен. И не думай, что я опечален случившимся. Я найду свою Белую Альбику. И я буду ей нужен.

– Есть ли такая сейчас на земле?

– Есть, нана. Иначе не зажигались бы эти звезды.

КУХНЯ НАРОДОВ МИРА

МАМАЛЫГА ПО-АБХАЗСКИ

Мамалыга по-абхазски – это вкусная каша из кукурузной крупы с солёным сыром сулугуни, которая очень легко готовится.

Ингредиенты:
(на 4 порции)

1 стакан крупы кукурузной,
3 стакана воды,
30 г масла сливочного,
150 г сыра сулугуни,
соль – по вкусу,
зелень – для подачи.

Есть два варианта приготовления этого сытного гарнира: либо сыр вмешивается в кукурузную кашу во время приготовления, и каша берёт соль от него; либо добавляется уже при подаче, при этом мамалыгу следует посолить в процессе.

Кукурузную крупу пересыпьте в казан или толстостенную кастрюлю. Влейте кипяток, непрерывно перемешивая крупу. Затем, не забывая помешивать, засыпать оставшуюся муку, тщательно вымешать, накрыть крышкой и довести до кипения. Варите кашу на медленном огне, постоянно перемешивая, до готовности в течение 20 мин – время приготовления будет зависеть от крупы. После еще раз размешать, загустевшая каша не должна прилипнуть к стенкам кастрюли. Если сыр добавляете при подаче, кашу посолите в процессе варки. В почти готовую мамалыгу добавьте сливочное масло. Если же планируете готовить кашу вместе с сулугуни, нарежьте сыр кубиками и добавьте сейчас. Перемешайте кашу и протомите, перемешивая, ещё пару минут на медленном огне. Снимите кастрюлю с огня и выложите мамалыгу на тарелку холмиком. Сверху уложите по 2-3 куску сыра сулугуни и подайте блюдо к столу.

Мамалыга по-абхазски станет отличным гарниром к мясу.

АКУТАГЪЧАПА – ВАРЕННЫЕ ЯЙЦА С ОРЕХОМ ПО-АБХАЗСКИ

Ингредиенты:

6 яиц,
60 г грецких орехов,
2-3 веточки зелени кинзы,
2 веточки укропа,
1/2 ч.л. аджики,
1 ст.л орехового масла.

Способ приготовления:

Яйца отварить вкрутую. Желтки, отделенные от белков, размять, а затем приправить ореховой массой, аджикой, мелко нарубленной зеленью. Тщательно вымешанный акутагъчапа выложить на тарелку и украсить дольками белков и зеленью. Можно начинить половинки яичных белков массой из желтков с аджикой и зеленью.

ВАКА ФРИТТА ПО-КУБИНСКИ:

Кубинская кухня – это смесь испанских, африканских, местных индейских и карибских ингредиентов и стилей приготовления. Типичные кубинские блюда очень острые. Часто основаны на кусках мяса, которые мариновались в течение нескольких часов или даже за день до приготовления.

Ингредиенты:

1 кг филе говядины,
2 головки репчатого лука,
1 зеленый сладкий перец,
3 зубчика чеснока,
1 ч. л. зиры,
3 лайма,
сахар – по вкусу,
1 лавровый лист,
70 мл растительного масла,
соль – по вкусу,
черный молотый перец – по вкусу.

Крупно нарезанный лук и перец поместить в сковороду вместе с мясом. Залить все водой, добавить лавровый лист. Довести до кипения и варить еще 2-3 часа на медленном огне. Сваренное мясо достать и дать ему остыть при комнатной температуре. Затем разобрать мясо на волокна, добавить соль, перец, полить соком лайма. Добавить зиру, сахар и чеснок. Перемешать и оставить мариноваться на 15-20 минут. На разогретую сковороду выложить крупно нарезанный лук, добавить мясо. Жарить до тех пор, пока мясо не станет хрустящим. Блюдо подавать с рисом и ломтиком лайма.

КУБИНСКИЙ ФЛАН

Флан является распространенным десертом в большинстве стран Латинской Америки. На Кубе, однако, вместо свежего молока используют консервированное сгущенное вместе с яйцами, ванилью и карамелью. После выпечки и охлаждения карамель превращается в корку.

Ингредиенты:

5 яиц,
1 банка (400 г) сгущенного молока,
0,5 стакана сахара,

1 ч.л. кофе, корицы или какао, щепотка соли.

5 яиц взбить немного с солью в чашке, добавить банку сгущенного молока. В опустевшую баночку положить 1 ч.л. корицы или какао, или кофе. Налить до половины баночки воды, поставить на огонь и немного покипятить.

Убрать с огня, еще добавить холодной воды до краев и влить это все в смесь с яйцами. Взять 2 кастрюли для водяной бани. В маленькую сухую кастрюльку насыпать сахар и, поставив на огонь, расплавить сахар до светло-коричневого цвета. Кастрюльку эту повернуть, чтобы ее бока смазались жжёным сахаром.

Затем влить в нее смесь яиц со сгущенным молоком и поставить в большую кастрюлю на водяную баню. Когда вода закипит, убавить огонь. Маленькую кастрюлю закрыть крышкой и наложить гнет, чтобы при варке в нее не попадала вода. Кипятить на водяной бане 2 часа. По мере выкипания, воду доливать в большую кастрюлю. Готовность флана смотреть деревянной зубочисткой или шпажкой – она должна быть сухой, а флан твердым. Если флан готов, перевернуть его на блюдо с краями. В маленькую кастрюльку можно добавить немного воды, прокипятить, а потом облить этим сиропом флан сверху. Остудить и подавать холодным

КОЛУМБИЙСКИЙ СУП «АХИАКО»

Ахиако – это традиционный колумбийский картофельный суп. Существует в нескольких региональных вариантах, самым известным является «боготинской ахиако» – от названия города Санта-Фе-де-Богота, столицы Колумбии. Обычно этот суп содержит кусочки куритины на кости, большие куски кукурузы на вилке, два-три типа картофеля и «гуаско», ароматное травянистое растение, распространённое по всей Америке, которое придаёт блюду характерный вкус. При приготовлении блюда в других странах часто вместо гуаско добавляется орегано (душица).

Ингредиенты:
(на 4 порции)

- 600 г филе курицы,
- 6 картофелин (можно больше),
- 1 большая морковь,
- 1 головка лука репчатого,
- 1 стебель лука-порей или обычного зеленого лука,
- Пара зубчиков чеснока,
- 1 перец болгарский (желательно зеленый),
- 1 банка консервированной кукурузы (или пара початков свежей),
- Соль – по вкусу,
- Перец черный – по вкусу,

Орегано – по вкусу,
1 авокадо,
1 банка каперсов (обязательно!),
1 пучок зеленого лука,
Сметана (можно и без нее.) – по вкусу.

Сварить курицу до готовности и достать из бульона. После остывания отделить мясо от костей, часть мелко нарезать. В бульон отправить вариться порезанные большими кубиками, картошку, морковку, лук и лук-порей. Если найдется початок свежей кукурузы, то нарезать его кольцами и варить вместе с овощами. Когда овощи почти сварились, добавьте болгарский перец. Теперь можно высыпать кукурузу и вылить всю жидкость из банки в кастрюлю. Солим и перчим, добавляем орегано. Отдельно подать

тарелку с мелко нарезанной курицей, залить ее супом, посыпать зеленым луком, каперсами и авокадо. Можно добавить сметану, но тогда это будут уже два разных по вкусу супа.

ТОРТА ДЕ ЧОКЛО

Торта де чокло – типичный для колумбийской кухни сладкий кукурузный кекс. Рецепт этого десерта очень прост, а приготовление не требует много времени, поэтому его можно часто встретить на столах жителей Колумбии.

Ингредиенты:

5 стаканов зерен свежей кукурузы,
1 стакан молока,
4 яйца,

5 ст. ложек сливочного масла,
4 ст. ложки кукурузного крахмала,
3 ст. ложки сахара,
250 г сыра типа моцарелла,
1/4 ч. ложки разрыхлителя,
ванильный экстракт,
1 щепотка соли.

Измельчить кукурузные зерна блендером

или в кухонном комбайне. В большой миске смешать кукурузу, кукурузный крахмал, сахар, разрыхлитель и соль. В другой миске смешать молоко, яйца, ванильный экстракт и сливочное масло до однородности. Добавить тертый сыр и перемешать. Жидкую смесь влить в миску с сухой смесью и хорошо перемешать. Должно получиться довольно жидкое тесто. Форму для выпечки смазать маслом и вылить в нее тесто. Выпекать в духовке, предварительно разогретой до 180 градусов, в течение 25 минут. Готовность проверить деревянной шпажкой. Готовый торта де чокло остудить в течение 5-10 минут. Затем накрыть форму плоской тарелкой и перевернуть, чтобы кекс оказался на тарелке. Нарезать на куски и подавать в горячем или теплом виде.

Рубрику подготовила Р. Берсанова

